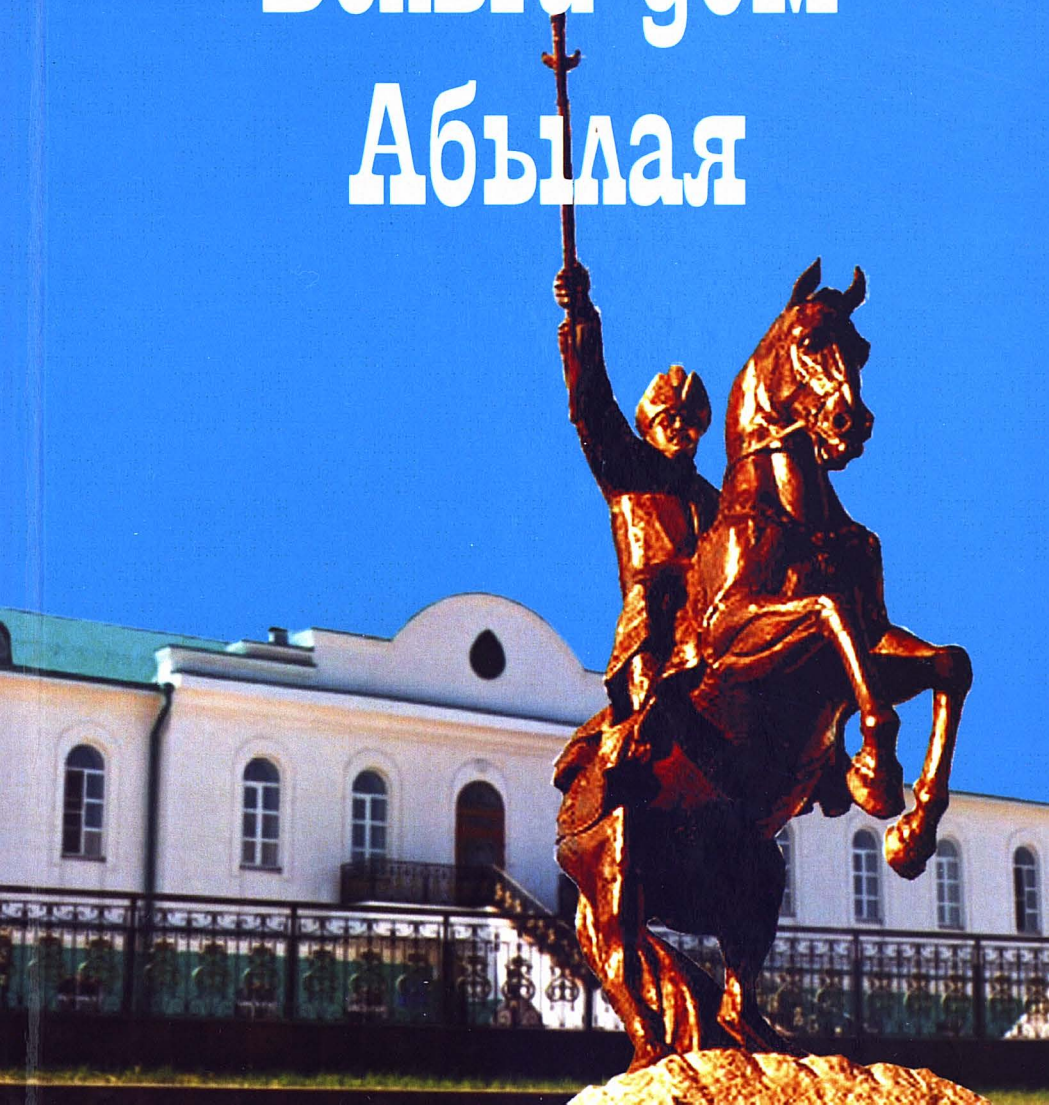

Муталлап КАНГОЖИН

Белый дом Абылая

Муталлап КАНГОЖИН

БЕЛЫЙ ДОМ АБЫЛАЯ

(СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ)

Петропавловск-2012

ББК 84 (5 Қаз) 7-5
Қ34

Т1 Кангожин М. **Белый дом Абылая.**/ Стихотворения и поэмы.
Петропавловск. - 2012 – 184 с.

ISBN 9965-21-212-0

Трудное военное детство, нелегкая, но полная романтики юность, многообразная жизнь родного аула со всеми радостями и горестями односельчан, полные мудрости степные легенды, услышанные из уст седобородых аксакалов, родная природа со жгучими снежными буранами зимой, щедрым знойным летом, с островками белых берез, пахучим разнотравьем – вот истоки творчества Муталлапа Кангожина, питающие вдохновенные строки его лирики, переходящие в широкие эпические полотна.

Особый интерес поэт проявляет к выдающимся личностям, к воинам-батырам, боровшимся за независимость отчей земли.

ББК 84 (5 Қаз) 7-5
Қ 34

4702250202
Қ

 00(05)-07

ISBN 9965-21-212-0

© Кангожин М., 2012 г.

Сын степей Муталлап

Имя североказахстанского поэта, члена Союза писателей Казахстана, заслуженного работника культуры, почетного гражданина Северо-Казахстанской области Муталлапа Кангожина известно читателям не только нашего региона, но и всей республики.

Родился он 17 декабря 1937 года в ауле Карагаш Есильского района Северо-Казахстанской области. Окончил КазГУ им. Кирова. Работал прицепщиком, учетчиком и счетоводом в Тарангульском совхозе. В 1958-1962 годах - инструктор райкома, обкома комсомола, секретарь комитета комсомола Николаевского совхоза, 2-й секретарь Ленинского райкома комсомола. В 1963-1966 гг. работал учителем казахского языка и литературы Карагашской восьмилетней школы. С 1966 года Муталлап редактор Петропавловской студии телевидения. В 1971 году М. Кангожина назначают главным редактором, затем заместителем председателя и в 1993 году - председателем Северо-Казахстанской областной телерадиокомпании. Как талантливый журналист он много сделал для освещения жизни североказахстанцев, пропаганды морального облика гражданина, распространения передового производственного опыта. Особенно удавалось ему описание ярких образов исторических личностей и современников как в стихах, так и в прозе.

Первый сборник его стихов «Островки белых берез» вышел в издательстве «Жазуши» в 1969 году, затем «Кызылжар» - в 1974 году, «Көкорай шалғын», «Полноводное русло», «Жыр керуен», «Өмірім менің» (1979). Эти стихи Муталлапа проникнуты любовью к родному краю, его землякам.

Кангожин Муталлап - отличник телевидения и радио СССР, Лауреат премии Союза журналистов Республики Ка-

захстан, республиканских и всесоюзных телефестивалей (1970-1988 гг.).

В настоящее время готовится к изданию книга нашего земляка «Белый дом Абылая». В ней представлены как его лирика, так и эпика-поэмы «Возмездие», «Раненый батыр», «Казах и казак», «Сказ о беркуте», «Белый дом Абылая» и другие произведения. В этой книге сошлись век двадцатый и век новый, в который Казахстан вошел независимым, сильным государством. Гордость за родную землю, за казахский народ - один из главных лейтмотивов творчества поэта. Свой сборник он посвящает 20-летию независимости Республики Казахстан.

За строчками и строфами, полными радости и грусти, открывается поэт, беззаветно влюбленный в свою североказахстанскую землю, ее природу. С первых же прочитанных строчек вместе с автором мы восторгаемся красотой наших озер, березовых лесов, ощущаем дыхание золотистых пшеничных полей.

С особым трепетом пишет он в своих стихах о родном крае: «Сары-Арка, моя древняя степь, огней ожерелье несет золотое», в ней «волны морские, словно табун коней белогривых, взбегает на сушу» и «дружно кони копытами бьют в барабан степи».

Сыном степи называет он себя:

«Я сын степи,

Там, где акыны мудрее всех,

Где руки добрые раскинули ковер

Из солнечного колоса».

Но не только природа восхищает поэта. Она служит для него лишь фоном, а на переднем плане Муталлап всегда старается показать человека-труженика. В этом, пожалуй, главное достоинство его будущего сборника. Восторгаться жизнью свойственно молодежи, а поэту - тем более. Поэто-

му вполне понятно, что и поэт в своих стихах иногда выражает человеческую грусть, но чаще размышляет о смысле жизни, о долге, чести и достоинстве. Воспевая прекрасное, он в то же время не забывает, что не все, как надо, устроено в жизни, что есть в ней такие понятия, как добро и зло.

Муталлап Кангожин принадлежит к поколению, которое в народе называют «подранками войны». Поэтому тема сиротского военного детства, тема жертв войны, которые и сегодня беспокоят память, постоянно присутствуют в этом сборнике, придавая ему особую ноту в таких стихах, как «Баллада о неумирающей надежде», «Сиротское детство», «Подранки войны».

Здесь уместно вспомнить одну грустную историю из далекого детства. В аульной школе вместе с Муталлапом училась одна девочка. Ее отец в те голодные военные годы заведовал хлебным складом. Она приходила в школу с сумкой, в которой лежал хлеб. Однажды на большой перемене предложила забавы ради голодному аульному парнишке: «Я буду бросать тебе кусочек, и если ты ртом его поймаешь, как наш Полкан, он будет твой, если нет - отнесу Полкану»...

«Я прыгал на глазах у всех,
Пытаясь в рот отправить ломтик,
Но падал хлеб под дерзкий смех:
«Ну, экий ты, джигит, неловкий!»
Вдруг раздалась команда: «Фас!»
И вот, голодный и несчастный,
Поймал я, прыгнув, словно барс,
Кусочек корочки хрустящей!»

Эти строки оставляют в душе каждого читателя неизгладимую боль.

И вот поэт переносит нас на сегодняшний день, в другое время, в страну независимую:

«Промчались дни. Я сыт сейчас,

Почти забыт тот год голодный,
Но отчего же возглас: «Фас!»
Меня преследует сквозь годы?»

Читая М. Кангожина, читаешь автобиографию души художника, видишь движение характера во времени, само время.

Цикл стихов поэта посвящен аулу Карагаш в период военных лет. Аул рыданиями и причитаниями провожал своих джигитов на фронт. С грустью он пишет о тех, кто не вернулся с полей сражения:

«И уйдя в степную тишину,
Думами тяжелыми охвачен.
Вспоминая страшную войну,
О погибших родственниках плачу».

В стихотворении «Могила солдата» Муталлап не оплакивает гибель воина-казаха, сложившего голову на далекой чужбине, но воспекает его мужество и героизм, говорит о его миссии воина-освободителя, воина-интернационалиста.

Особое место в своих стихах художник отводит образу своей матери любимой. Женщина с тяжелой судьбой, сильная и любящая мать, рано потерявшая своего мужа, воспитала троих детей:

«Ты, сильная духом, меня родила,
Не плача, в лихую годину,
И сердце, и душу свою отдала
С тех пор благодарному сыну».

В своих стихах поэт особое место уделяет теме дружбы народов. В Казахстане живут представители более 130 национальностей. Дружат и общаются между собой, любят и уважают друг друга. Все эти отношения можно охарактеризовать хорошим словом «товарищество». Этим и един народ Казахстана. Потому и возможно стало экономическое и политическое процветание молодого государства:

«Давно мы, Россия,

Сроднились с тобою!
И русский с казахом,
Как братья живут».

Большой интерес Муталлап проявляет к выдающимся личностям, к воинам-батырам, боровшимся за независимость родной земли. В этом плане весьма показательна поэма «Белый дом Абылая» в переводе А. Курлени.

А сколько добрых слов сказано им в адрес Главы государства Н.А. Назарбаева, с которым М. Кангожину не раз приходилось встречаться, когда он занимал должность председателя областной гостелерадиокомпании.

Стремление понять поэта, услышать биение его сердца, вместе с ним горевать и радоваться - вот что движет читателями художника.

Радует нас в его стихах высокий гражданский пафос и тонкий лиризм, что делает его поэзию многоплановой. Муталлап не отказывается от классических образцов богатейшего казахского фольклора. У него есть новаторство, есть поиск более совершенных форм стихосложения.

Его произведения глубоко патриотичны и гуманны. Поэт М. Кангожин говорит: «Все сложу по крупницам, что ветер веков распылил... Сохраню для потомков священный их предков завет».

Муталлап Мухамадиевич не потерял связь с коллективом телестудии - он ее главный наставник.

Активный участник ветеранского движения, Муталлап Мухамадиевич вносит весомый вклад в развитие культуры казахского народа и других этносов Казахстана. Член Ассамблеи народа Казахстана.

Баимбет Исенов,
обществовед

Я ЗАГЛЯНУЛ ЗА ГОРИЗОНТ

Я вырос на степном просторе,
Где трав напевных слышен звон,
Я заглянул за горизонт
Степи, познав беду и горе.
И всё ж, поверь мне, милый друг:
В родном краю нашёл я счастье,
Деля с людьми лепёшки круг,
Когда нуждались все в участие.
Я рад, как сын сейчас живёт,
И земляками горд своими,
Что возвратил себе народ
Самостоятельность. И имя.
Он сбросил лет тяжёлый груз,
И расцветает мой край берёзовый...
Да пусть исчезнут боль и грусть,
И да минуют всех нас грозы!

Перевод В. Шестерикова

ОБРАЩЕНИЕ К АЛЛАХУ

Мой Аллах! Я вырос сиротою,
Мук и горя много испытал.
Только самой трудною порою
Я к тебе о помощи взывал.
Ошибался в жизни я премного:
В ереси прощенья не найти!
Видно Сатана своей дорогой
Уводил от верного пути.
Возле очагов выросли дети,
Превратясь в наследственных скотов.
Заблужденье – страшный грех на свете –

Богохульных порожденье ртов.
У меня в душе печаль-тревога.
Стоит только в сердце заглянуть, —
Вот он я — исчадие порока,
Повторивший многих чёрный путь.
И моим грехам не видно счёта.
Страх морозом ночью кожу жжёт.
Знал ли я, что Бог с вершин полёта
Столько испытаний мне пошлёт!
Ты — долготерпимец, Всемогущий!
Сколько я кичился грешным «Я»!
Но теперь, по-новому живущий,
Жажду страстно истин бытия.
Мне даны тобой мои пороки,
Но тебя мне в этом — не винить.
Я к тебе ищу своей дороги,
Чтоб себя с тобой объединить.
Вырви с корнем суетную ересь,
Что досталась мне от Сатаны,
Чтоб не впал я с новой ратью в прелесть,
Став рабом разврата и мошны!
Самому себя исправить трудно.
Обнови и кровь мою, и плоть,
Чтобы, обновлённый, я прилюдно
Смог все искушенья побороть.
Я себя не сдерживал порою.
Грудью шёл во многом напролом.
Выведи меня своей тропкою,
Чтобы приобщить к себе потом.
Будь со мной в трудную минуту.
Каюсь я во многом лишь тебе.
Погаси во мне былую смугу,
Озаренье дай моей судьбе.

Плачу я раскаянья слезами.
До моей мольбы ты снизойди,
Добротой и белыми крылами
Спеленай мне душу на пути.
Я перед преградами не струшу, -
Мы теперь пойдём с тобой вдвоём.
Защити страдающую душу
Ярким очищающим огнем!

Перевод А. Курлени

СЫН СТЕПИ

Я сын степи, границ которых
Не взять орлам – устанут крылья,
Куланам не пройти степей просторы –
Не хватит просто сил им!
Я сын степи, там, где тулпары –
И те, наверное, устанут...
Ракетам стартовать недаром
Дано у нас здесь, в Казахстане!
Я сын степи, там, где акыны
Мудрее всех. И славны голосом...
Где руки добрые раскинули
Ковер из солнечного колоса.

Перевод В. Шестерикова

МАТЕРИ

Печали и горю меня не сломить,
Я ярким огнём пламенею.
Есть сила во мне, чтобы мир озарить,
Мечтой дерзновенной своею.
И как обуздать неуёмную страсть?
Водой охладить ледяною?

Но ты ведь не дашь мне навеки пропасть
И в помыслах будешь со мною.
Не дашь мне остыть, головешкою тлеть,
Бескрылою сделаться птицей.
Ты снова заставишь поэта лететь
Туда, где мне соколом виться.
Где жизни и смерти я буду в лицо
Смотреть величаво и гордо,
Где буду клеймить я строкой подлецов,
Твой сын, беззаветно и твердо.
Себя потерять – все равно, что предать
Твои дорогие заветы,
Которые ты, моя гордая мать,
Дала мне, отправив по свету.
Ты, сильная духом, меня родила,
Не плача, в лихую годину,
И сердце, и душу свои отдала
С тех пор благодарному сыну.
И если остыну в тяжелые дни,
Смирюсь и овцою заблею,
Ты даже в могиле меня прокляни
За то, что я духом слабею.

Перевод А. Курлени

СОКОЛ

Безумна смелость сокола,
А когти, словно сталь,
Парит он в синеве высокой
И зорко видит даль.
Быстрее ветра племя
Отважных, гордых птиц,
Но знайте: только время
Не ведает границ.
...Последнее усилие,
И – рухнет высота.
Слагает сокол крылья,
В степи кружить устав.
Еще парит он в небе,
Испытывая грусть,
Но клетоты победы
Не слышатся из уст.
Но знайте: ныть не станет...
Придет пора - в кусты
Тот гордый сокол камнем
Рванется с высоты.
И только ветры смутные
Сорвутся вдруг с цепи,
Да песня горьким спутником
Закружится в степи...

Перевод В. Шестерикова

АСАУ
(Ретивый конь)

Эх! Тебя, необузданный конь,
Обманул жестоко джигит.
Твоя грива горит, как огонь,
И твой всадник, как пламя, летит.
Как тоскующий барабан,
По степи копыта стучат,
И в зрачках твоих стынет обман,
Золотые звезды горят.
Только кто удержит тебя,
О мой бешеный, неукротимый?
Ветер ты. И курганы летят,
Словно шапка джигитов, мимо.
Словно птица, распластана тень.
Кто поспорит с тобой, ураганом?
Сзади горы! И вот уже степь
Ты приветствуешь ржаньем гортанным.

Перевод Ю. Гусинского

КОКПАР

Эй, у кого самый лучший конь?...
Кто кого победит?
Соколом, сбившим тучу,
Гикая, мчится джигит,
Рвется в простор открытый,
Ветер, путь уступи!
...Дружно кони копытами
Бьют в барабан степи.
Вьются поземкой гривы,
Хвост, словно ласковый шелк.
Тот самый в мире счастливый,
Кто себя в скачке нашел!
Травы заранее клонятся,
Только завидев коня...
Вряд ли сметешь с неба солнце,
Если нет в жилах огня,
Если нет в сердце задора,
Если утратишь свой пыл.
...Огненным метеором
Небо скакун прочертил.
Лишь победителю ведом
Бешеной скорости дар,
Знай: для лихой победы
Служит казаху кокпар.

Перевод В. Шестерикова

ПЕСНЬ АБАЮ

Эй, ветер, ты везде бываешь,
Какую весть ты сегодня принес?
И ветер отвечает: - Ты не знаешь?
Родился сын в роду у Кунанбая.
- Родился мальчик? – невидадь какая...
- Ай, не скажи, лишь подрастет джигит –
Узнает степь великого Абая...
- Так чем же он все же будет знаменит?
- Высоким чувством, словом благородным,
Поэзией и мудростью своей...
И славу принесет всему народу.
Вы слышите? Поэт родился! Эге-гей!
Певец великого народа из степей!
С тех пор прошло немало лет,
И не один наряд земля сменила.
В урочный час услышал белый свет
Прекрасное «Сказание об Азиме».
Услышал мир степную песнь,
И мудрость, черпая из «Назиданий»,
Всяк сущий – будь ты млад иль сед,
Склонись перед величием Абая!

Перевод Л. Штанько

ПЕСНЯ АКАНА

Песня качнула небо,
Песня волнует мысли,
Бел аксакал, как лебедь,
Песня хмельней кумыса.
Струны горят надеждой,
Стон высекают струны,
Беркут взлетел мятежно
С плеч безмятежной юности.
Но затерялось где-то
На праздничном жизни тое
Звонкое эхо лета,
Время его золотое.
Годы седые вырвали
Гордую вольность сердца.
Как одиноко в мире,
Если нельзя согреться.
Что же в последнем вздохе
Делать взгрустнувшей песне,
Сжаться,
Сгореть,
Иссохнуть,
Ринуться вниз с Окжетпеса,
Чтобы седую душу
Бросить с размаха на камни...
Время!
Ты не потушишь
Пламя песни Акана.
И отступает старость,
Взгляд остается зорким...
В чудный настой смешались

Сладкие звуки
С горькими.
Чуть они уловимы,
Словно уносят тайну.
Пахнет полынью и дымом
Песня акына Акана.

Перевод В. Шестерикова

Я НЕ РОДИЛСЯ БЫ ПОЭТОМ

Без сини, льющей облака,
Без свиста ветра, смеха солнца
И без тебя, Сары-Арка,
Я не родился бы поэтом.
Без смены ночи светлым днем,
Без звезд, что дремлют до рассвета,
Без рек в объятии морском
Я не родился бы поэтом.
И без страданий от невзгод,
Тех, что в пути мы можем встретить,
Без птичьих странствий каждый год
Я не родился бы поэтом.
Без тех, с кем ты не проживешь,
Без счастья поиска по свету,
Когда бы правду побеждала ложь,
Я не родился бы поэтом!

Перевод В. Шестерикова

СКАЛА МУДРОСТИ (Мухтару Ауэзову)

Есть где-то мудрости скала...
К ней вечно путники стремятся.
Не всех тропа к ней привела,
Не все сумели к ней добраться.
Кошмой служить не может шелк...
Идти – нелегкая работа.
К скале той кто-то не дошел,
И сотни раз срывался кто-то.
И слава тем, кто все же смог
Рукой оттуда тронуть небо...
И приходила мудрость строк,
И былью становилась небыль.
И на земле остался след...
И путник, озаренный светом,
Облокотился на скале,
Встречая на земле рассветы.

Перевод В. Шестерикова

СВЕТЛЫЙ ПУТЬ

Есть у меня Абай, Магжан, Олжас,
Не кичусь тем, а только лишь горжусь.
Их каждый стих – сверкающий алмаз,
Я каждому стиху, как личности, дивлюсь.
Поэт, мудрец, философ был Абай,
Магжан горел поэзии огнем,
Олжас широк, как половецкий край,
Восток и Запад слились в нем.

Они, как три сверкающих звезды,
Взошли на наш духовный небосвод.
Я верую, что из любой беды
Их мысли светоч выведет народ.
Мечта поэтов давняя сбылась:
В ряду свободных, суверенных стран,
Как новый сильный азиатский барс,
Берет свои высоты Казахстан!
Поскольку есть у нас Абай, Магжан, Олжас,
Могу я известить степную ширь,
Что в даль веков есть светлый путь у нас,
И вечны мы, как вечен этот мир.

Перевод А. Сагындыкова

ЧТОБ СТЕПЬ УБЕРЕЧЬ ОТ ВРАГОВ

Избавив от мрака пещер,
От рода нам бывших приютом,
Луч солнца впустив и простор,
Дал нам Аллах нашу юрту.
И птицы, и леса язык,
Звонящий в колках и бору,
Журчанье воды и ветра порыв
Озвучить Аллах дал нам домбру.
Пешим степную даль
Осилить – не дело дня.
Чтоб нашими крыльями стал,
Дал нам Аллах коня.
Батыров, участников сечь,
Много во рвах полегло.
Чтоб степь от врагов уберечь,
Дал нам Аллах копьё.

Перевод А. Сагындыкова

ПУШКИН ЧИТАЕТ КОРАН

«Он милосерд: он Магомету
Открыл сияющий Коран,
Да притечем и мы ко свету,
И да падет с очей туман».

А.С. Пушкин

Пушкин читает Коран,
Тронувший дивные струны,
Лечат от боли и ран
Древние мудрые суры.

Учат людей размышлять...
Скрытая мощь в них и сила.
Словно с небес благодать,
Пушкина вдруг осенило.

В чтение всю ночь погружен,
Ловит себя он на мысли –
Нет, это все не сон,
Это – поэзия высшая!

Будто отринул туман,
Кто-то единственным взмахом.
Нет никаких басурман –
Есть только слуги Аллаха!

Он к ним всегда милосерд,
С верным слугой Магометом.
И разливается свет
В слове волшебном поэта.

Перевод В. Шестерикова

Я ЖИВУ НА УЛИЦЕ МАГЖАНА

Я живу на улице Магжана...
И, паря душою в облаках,
Я его подпитываюсь жаром
Сердца, не остывшего в веках.

Это ли судьбы не провиденье,
Благость символичных эстафет?!
Душ поэтов тесное сплетенье
Излучает свой высокий свет.

Нет, не рвется нить красивой песни,
Что судьбою нам дано пропеть.
Мой Магжан, с тобою снова вместе
Нам творить, бороться и гореть!

Проходя у мраморного лика,
Я смотрю в знакомые черты.
Ты – творец поэзии великой,
Наводящей в будущность мосты.

Вчитываясь в пламенные строки
И любовью к родине дыша,
Ученик, беру твои уроки,
Мой недостижимый Магжан!

Мы с тобою в разных ипостасях:
Ты – велик, а мне ещё расти.
Пусть твой слог мои стихи украсит
На нелегком творческом пути.

Я гвоздики яркие к подножью
Памятника, молча, возложу,
Пред тобой, поэтом с искрой божьей,
Голову седую обнажу.

Пусть народной славы не стяжал я,
Но горжусь, что в милой стороне
Я живу на улице Магжана,
А Магжан всегда живет во мне!

Перевод А. Курлени

СОЛНЦЕ НА АРКАНЕ

Иду я с душой нараспашку,
По милому полю иду
Сквозь клевер, ромашки и кашку,
У вечных небес на виду.
Вдали голубеет на солнце
Знакомого озера гладь,
Лесок, где березы и сосны,
Всё ближе – рукою подать.
И мысли от яркого света
Светлеют, и хочется жить,
И хочется с красками лета,
Не зная заботы, дружить.
Забуть про дела и вопросы,
Которые нужно решать,
Беззлобно топтать медоносы
И воздухом вольным дышать.
И там, на знакомой опушке,
Прогнав суеверия страх,
Внимать предсказанью кукушки
С улыбкой юнца на губах.

Мне б силу, что есть в великане,
Я б дело затеял одно:
Я б солнце держал на аркане,
Чтоб вечно сияло оно
Для тех, кто душою мрачнеет,
Погрязнув в земной суете,
Кто солнечно жить не умеет,
Поддавшись ночной слепоте.

Перевод А. Курлени

ЧУФУТ

Здесь всё из камня. Город-камень.
Осколок пройденных веков.
Его сжигают солнца пламень
И слезы горных облаков.
Они свое свершают дело
Из года в год, как дикий зверь,
И шрамы-трещины на теле
Все глубже делают теперь.
И пыль на каменных дорогах
Не топчет ныне шумный люд.
Дух человеческий на порогах
Домов не греет сердце тут.
Здесь мертвый камень, ныне бывший
Мечетью, хлевом и жильем,
А ныне он, давно остывший,
Порос забвеньем и быллем,
На откуп отданный туристам,
Пришедшим в горы из низин...
Мечети купол был лучистым.
Заглох навеки муэдзин.
Колодец, некогда питавший

Всех горной чистою водой,
Стоит пустой, зияя страшной
Своею мертвой чернотой.
Здесь не проходят путь отары
По гулким улочкам в луга...
Молчит, как рыба, камень старый,
Иные помнивший века.
Он помнит всех, давно отживших,
Глухой от скорби и немой,
Лишь мастеров, его сложивших,
На нем виднеется клеймо.

Перевод А. Курлени

ЛАСТОЧКИНО ГНЕЗДО

Скала, рванувшаяся в небо,
Из черноморских пенных вод...
Я никогда у моря не был,
Иной не видел небосвод,
Степняк, лишь знавший гладь равнины,
Где лишь белели ковыли,
Где солонец и быт старинный
Дать волю чувствам не могли,
И где строенья из самана
Чуть возвышались над землей
И в пене белого тумана
Встречались с утренней зарей.
И вот душа моя внимает
Скале, и небу, и волне,
И откровенно понимает,
Как много надо видеть мне.
Затем, чтоб сравнивать страницы
Судьбы с судьбою чудака,

Который дом свой, словно птица,
Загнал почти под облака.
Бежал ли он от жизни бурной
Иль от мирской ли суеты,
Иль из любви своей безумной
Он воплотил свои мечты?
А может, толстою мощною
Решил вершину удивить,
А может, блажь тому виною,
Чтобы гнездо под небом свить
И, с продуваемой ветрами,
К богам взметнувшейся горы
Взирать печальными глазами
На приземлённые миры?
Не знаю, только чует сердце,
Когда взираю на Мисхор,
Что в мир иной открыл он дверцу,
Непостижимый до сих пор.

Перевод А. Курлени

БОРИБАЙ

(Легенда о волчьем сердце)

Потеет конь, прядет ушами.
Доволен под седлом седок:
Не охраненный камышами,
Добыт матерый серый волк.
Опутан крепкими жгутами
И приторочен, словно куль.
Такого зверя не видали
Ни Алаколь, ни Иссык-Куль.
Размером с доброго теленка,
Он – вес не добрый для коня.

Храпит гнедой, да мало толку:
Кнут придает ему огня.
А если дернется матерый,
То и ему придется кнут.
Охотник, в схватках закаленный,
С такой добычей очень крут.
Его выслеживал он долго
И оглушил своим шестом.
Теперь в аул везет он волка,
Скучая по жене притом.
Семь дней без жаркой женской ласки
Джигиту дюжему невмочь,
И в думах страстных, без опаски,
Встречает он в дороге ночь.
Ни зги не видно, только звезды
Видны на небе и луна.
«Наверно, льет подруга слезы
И ждет, таких же дум полна», —
Джигит смеется, вспоминая
Ее лицо, и грудь, и стан,
Стальными пробуя руками,
Не распутился ли аркан.
И конь бежит, и волк на месте:
То ль истомился, то ль уснул.
- Когда ж, Айгуль, мы будем вместе?
Ну, где же ты, родной аул?
И все тревожнее сомненья:
Не первый год уже живут,
А небеса и Провиденье
Им все младенца не дают.
Он загадал: добычу примет
С объятъем искренним жена, —
И бог надежду не отнимет,
Что в них пока еще жива.

Конь побежал под ним резвее.
Ну вот – родная сторона,
И вмиг сомнения развеяв,
Коню дает он стремяна.
И скачет конь уже не рысью,
В галоп успел он перейти,
Уже своей ведомый мыслью,
Что где-то там конец пути,
Что отслужил он верно, свято
Опять джигиту, как всегда,
Что будет груз с хребтины снятым,
И будут сено и вода.
И запах явственной аула
Что рысаку, что седоку.
Дорога их не обманула,
Ведь оба были начеку.
И друга чуя приближенье
И не боясь ночи ничуть,
Навстречу сделала движенье
Его Айгуль в порыве чувств.
Схватила за ногу, прильнула
Всем жарким телом к сапогу
И с поцелуями шепнула:
«Я жить в разлуке не могу!
Слезай скорей. Вода нагрета,
И будет сытный стол накрыт.
Жизнь без тебя – кончина света, –
И разрыдалась вдруг навзрыд:
- Я извелась в раздумьях тяжких,
Ходя все время за порог,
Что погубил тебя, мой милый,
Матерый и коварный волк».
«Поверь, родная, не родился
Еще такой на свете зверь,

Чтоб мне в борьбе не покорился.
Вот, полюбуйся и проверь,
Как спутан он моим арканом,
Уже почти что бездыхан.
Меня ты схоронила рано,
Жив твой любимый Батырхан.
Не мог же согнуться я безвинно,
Изведав в жизни волчий страх.
Клянись, что мне подаришь сына.
И да поможет нам Аллах!»
И вынув нож острее бритвы,
Вспорол ударом волчью грудь,
И сердце – знак отважной битвы –
Он вынул, чтобы зашвырнуть.
Оно, дрожащее, лежало
В его, пульсируя, руке,
И кровь горячая бежала
И запекалась на песке.
Но вдруг Айгуль в порыве нервном
Остановила храбреца:
- Клянусь, что будет сын наш первый
Достойным своего отца!
Я сердце съем! Клянусь, во чреве
Батыром будет сын зачат,
И будет отпрыск в нашем древе
Примером для твоих внучат!
И на куски его разделав,
Она живую съела плоть,
По-женски искренно и смело
Свой страх сумев перебороть.
И Батырхан, сраженный верой
В то, что задумала жена,
Припал к ногам супруги верной, –
Тому свидетелем луна.

И сына, коего зачали
В ту ночь охотник и Айгуль,
Неоднократно привечали
И Алаколь, и Иссык-Куль.
И знал его в степных просторах
Простой пастух и видный бай,
Упомянув в разговорах
Нередко имя – Борибай.
Он был батыр на загляденье,
Тем знаменит из года в год,
Что помогало Провиденье
Ему прославить древний род.
И старожилы знали верно,
Им восторгаясь вновь и вновь,
Что в борибаевские вены
Влила Айгуль и волчью кровь.

Перевод А. Курлени

ПРАВДА

Я душу, признаюсь, тебе открываю.
Она родниково-кристально чиста.
А в чем я повинен, ну право ж, не знаю.
Но только она никогда не пуста.
И если смеюсь я – смеюсь непритворно,
А если уж плачу – потоками льюсь.
Страдаю безропотно, молча, покорно
За правду, которую очень люблю.
Она – это парус надежный и верный,
Под ним притягательней дали и близ.
Без правды, без паруса все же, наверно,
Была бы бессмысленна грешная жизнь.

Перевод А. Курлени

«ТЫ У НАС ОСОБЕННЫЙ»
(Магжану)

Пусть звенит мелодией
Каждый сердца стук.
Ты у нас особенный,
Вырванный из пут.

Океан безбрежный,
Полный мук и слез.
Буревестник нежный,
Синтез дум и грез.

Не могли застенки
Скрыть твои стихи.
Ни расстрел у стенки
Не прервал мечты.

Ложные доносы,
Пытки, клевета,
Жуткие допросы
И клеймо врага.

Стая лицемеров
Лаяла вокруг,
Без души и веры
Брала на испуг.

Люди затаились,
Страх сковал сердца.
А враги глумились,
Мучая тебя.

Перевод С. Ибраева

РОЖДЕНИЕ СТИХА

Сжимая голову руками,
Я словно слышу треск костей.
Глаза заполнятся слезами,
Зажгутся тысячи свечей.

По пальцам медленно прольется
Течение мысли, капли слез.
И лист бумаги отзовется
Стихом, нетронутая гроздь.

А рифма, жемчугом сверкая,
Оставит след свой на века.
А вся моя судьба большая
Течет, как вещая река.

Перевод С. Ибраева

КТО ТЫ – ЛЕБЕДЬ В СИНЕМ НЕБЕ (Магжану)

Кто ты – лебедь в синем небе,
К солнцу яркому летишь.
И крылом своим на бреге
Степь лучом ты осветишь.

Словно ангел для влюбленных,
В сердце трепет принесешь.
Или зовом окрыленным
В бой за славу призовешь.

Ты загадкой был при жизни,
Много тайн есть в тебе.

Воспевал Алаш, Отчизну
Яркой свечкой стал во тьме.

Кто ты – рыцарь белокрылый,
Так воспевший красоту!
Судьбы роком опалимый,
Сквозь века пронес мечту!

Может, птица ты свободы,
Залетела к нам в Туран.
Между степью, небосводом
Ты Всевышней волей дан.

Перевод С. Ибраева

ЗАЖГЛАСЬ ЗВЕЗДА ТВОИХ ПОТОМКОВ (Магжану)

Зажглась звезда твоих потомков,
Об этом долго ты мечтал.
Терпя, страдая от подонков,
Ты в пытках гордо умирал.

В чужой земле, на Беломорье,
Ты рыл на холоде канал.
Душа и сердце ныли кровью,
Где каждый третий умирал.

В кошмаре снилась степь родная,
Скаун крылатый в небесах.
И звук домбры, и запах края
Найдут уют потом в стихах.

Твои стихи в народе помнят,
Читают дети, старики,
А песни душу смыслом тронут,
Талантом искренней строки.

На память многих поколений
Родной район – назван тобой.
И площадь, колледж одноименный
Звучат, живут одной строкой.

Ты не погиб, остался в жизни,
Потомки помнят, чтут и ждут:
Твой светлый дух, любовь к Отчизне
К святой Звезде нас призовут.

Перевод С. Ибраева

БЛАГОДАРНОСТЬ

Я рожден под счастливой звездой
И обласкан луной и светилом,
Я омыт родниковой водой,
Что в поэты меня посвятила.

Но счастливый теперь, я познал
В горе детства мирское уродство:
И звериный военный оскал,
И тяжелую долю сиротства.

Мне понятен до мозга костей
Мир голодных оборвышей божьих –
В безотцовщине взрослых детей,
С жеребенком покинутым схожих.

Пропитал одиночества яд
Мои тонкие детские жилы.
Я имею особенный взгляд
На войну, что в нужде пережил я.

Сотни тысяч отравленных игл
Мне пронзили и душу, и тело.
Время ласки, забавы и игр
Стороною меня облетело.

Но, не хныча под старым бичом
Одиночества, горя и страха,
Я тянулся сердечным лучом,
Как к спасению, к слову Аллаха.

В трудный час обращаясь к нему
За прощеньем и мудрым советом,
Не погряз я у лени в плену,
Озаренный отеческим светом.

Все, что есть у меня, – от него.
Знаю, жизнь оценивающий строго:
Ты – мерило пути моего,
Воплощение чести и долга.

Я добыл свое счастье в трудах
И, доволен своею судьбою,
Шлю тебе благодарность, Аллах,
За удачу быть рядом с тобою.

Перевод А. Курлени

ТЫ ДУШИ ПОЭТА ГОСПОДИН

Сердце бьется горлицей крылатой.
Как высок его ритмичный стук!
Это – за признание мне плата
И рукоплесканье тысяч рук.

Радости слеза в глазах лучится,
Стал в трудах доступен мне Парнас.
И душа ликующая мчится,
Словно подгоняемый Пегас.

С самой уважаемой вершины
Мне открылся мир мечты и грез.
Счастлив я, что многое свершил я
И свое в поэзию привнес.

Не живя ни в гордости, ни в спеси,
То превыше я в себе ценю,
Что услышал житель поднебесья
Песню вдохновенную мою.

Соколом парил я над планетой,
Но и там, в заоблачной дали,
Никогда в красивой песне спетой
Я не отделялся от земли.

Пусть трубят мне славу нынче горны,
Но, любя полет высоких слов,
Не предам вовек земные корни,
Слыша сердцем предков вечный зов.

Мой народ, я – плоть твоя от плоти,
В час удач и час лихих годин,
В горести и в творческом полете
Ты души поэта господин.

И в последней песне лебединой,
Гордый, мне назначенной судьбой,
Буду связан крепкой пуповиной,
Самою надежною, с тобой.

Перевод А. Курлени

ДРУЗЬЯ И ВРАГИ

Пределы нашей жизни велики.
Мне выпала нелегкая стезя:
Со мною рядом есть друзья – враги,
Со мною рядом есть враги – друзья.

Кто б знал, что ветры бурных перемен
Изменят так знакомых мне людей:
Предательство имею я взамен
Давнишней дружбы искренней моей.

И те, кому я был как в горле нож,
Мне вдруг открыли чистые сердца.
Я в смысл вещей по-новому стал вхож,
Испив мирскую чашу до конца.

О Янусов двуликое нутро,
Как скорбен дух моих утрат:
Стремился людям делать я добро,
Но сам же оказался виноват!

Я осторожно делаю шаги,
По лезвию судьбы своей скользя:
Вдруг в спину нож вонзят друзья – враги
И рассмеются вслед враги – друзья.
Перевод А. Курлени

ПАМЯТНЫЙ КАМЕНЬ

Всколыхнувший века глубины
Крым-Гирей – известное всем имя.
И, борясь в волнах бушующего моря,
Многие тогда хлебнули горя.
Прах его навечно под землей лежит.
Встанет ли из бездны призрак сгнивший,
И нальется ль тело силой обновившей.
Иль земля от звона сабель задрожит.
Слава и известность мертвого не греет.
Не поймет проклятья черепом пустым.
Мне об этом камень на ветру поведал,
Что соорудил он сам себе живым.

Перевод Л. Штанько

ПЕТЕРГОФ

То ли поздно,
То ли утром рано,
Заблудился в Петергофе я,
Где, шипя,
Из горлышка фонтанов
Пенится шампанского струя.
С богами, укутанными в золото,
По аллеям долго я гулял,
Кто же их вернул из мрака холода,

Душу кто
Седому камню дал?
Я смотрю на древние их лики,
Хоть прощаться с садом мне пора.
Сотворить могли их лишь великие,
Получившие дар свыше мастера.

Перевод В. Шестерикова

ПРЕДЕЛ

Когда боязнь доходит до предела,
И правду в полный голос – не скажи,
Удавом душит скованное тело
Трусливая озлобленность души.

Так было. Помню я чиновный окрик
И место указующий мне перст.
И я дрожал, несчастный бедный Йорик,
И все дрожали трусами окрест.

Как мне хотелось вытравить покорство
В себе и в людях, загнанных в тупик,
Но я молчал, лишенный благородства,
Приняв со всеми трусости постриг.

Но не подмять мятущуюся волю,
Когда молчанье выше всяких сил,
И выбрав раз страдальческую долю,
Однажды правду я провозгласил.

О, как сверкали огненные взгляды
Партийных бонз – вершителей судьбы,

Но я срывал трухлявые наряды
С великой лжи, готовый для борьбы.

Я рвал в стихах с позорным прошлым узы,
Бунтарь и узник совести своей.
И я увидел: боги тоже трусы,
От правды задрожавшие моей.

Мне не простилось взорванное слово,
Которое озвучить я посмел,
Но горд я тем, что смело в час суровый
Я правдости предел преодолел!

Перевод А. Курлени

БЫЛОЕ

О былом не печалюсь:
Все, что было, — мое.
За свое отвечаю
И житье, и бытѐе.
Путь тернист был, не гладок,
Да еще с солонцом,
Был я словно подранок,
Что подбитый свинцом.
И к миражным вершинам
В суете не летел.
Все, что надо, свершил я,
Сделал все, что хотел.
Вот и время настало
Вновь осмыслить свой путь,
Ведь меня аксакалом
Все в ауле зовут.
И когда вдохновенье

Посещает меня,
Столько страсти и рвения,
Сколько в сердце огня!
Будто молодость снова
Вдаль летит скакуном,
И рождается слово
Для стихов о былом.

Перевод А. Курлени

И ДА ПОМОЖЕТ МНЕ АЛЛАХ!

Живу одним лишь утешеньем,
И свято в сердце берегу –
Не поддаваться искушенью
За боль свою отместить врагу.
Итожа минусы и плюсы,
Я сам себе за все воздам.
Будь это мужество иль трусость,
Готовясь к дальним берегам.
И пусть не так поет уж тело,
Еще крылом способен взмах
Я сделать искренне и смело,
И да поможет мне Аллах!

Перевод А. Курлени

ЧЕРНАЯ ЗАВИСТЬ

От зависти черной
Стартуют пороки.
Ползущие слухи,
Всегда с клеветой,
Берут без разгона
Любые пороги,

Вчерашних друзей
Превращая в скотов.
Ты тайно копишь
Благодеяния будни,
Убив на пороках
Налет голубой.
Известно тебе,
Ну, конечно, не будет
С завистливой мразью
Про вынужденный бой.

Перевод А. Курлени

ЕЛТИНЖАЛ
(Габиту Мусрепову)

Сказочное место на земле!
Сколько в рощах белоствольных вишен!
Травы шепчут что-то, разомлев,
Песни я через шептанье слышу.
Габит ага, ну разве мне забыть
День прохладный и в лесу прогулку?
Ни за что, ага мой, не забыть
Разговор наш и шагов негулкость.
Я помню бор. Да, ты в него входил
Какой-то тайны откровенной ради,
Потом к сосне ты древней подходил
И ствол её великолепный гладил.
Уж сколько зим и весен пронеслось,
Ты в мир иной, Габит, переселился.
Я о сосне не задавал вопрос,
Ну, что за тайна?
Ну, хотя б ответ приснился.

Перевод Ю. Полякова

ДОРОГА

Я – ученик, а педагог – дорога.
Я сегодня только вник
В слова смысл немного.
Да, я всего лишь ученик,
Я уже не легковерен.
Эх, неведомая даль,
В путь свой верю, верю, верю,
Сквозь тревогу и печаль.
Испытай не вполовину,
Стойкость дай приобрести.
Дай мне силу исполина
Сдвинуть горы на пути.
Дороги, дороги, дороги...
Вы в мире – рыбацкая сеть.
Вас так нескончаемо много,
Но надо б свою предпочесть.
Я знаю о том не по слухам,
Прямей она будет, верней.
В одном лишь всегда заваруха –
Найти бы её поскорей.
К седьмому небу я взлечу,
Оттуда, переполнен гимнами,
Привет земле послать хочу
С сердечною взаимностью.

Перевод Ю. Полякова

СТРАХ

Бывает, что в бурные воды
Готов ты геройски войти,
Не зная – не ведая брода –
Спасенья в опасном пути.

Уже ты в решительном раже,
Сказав: «Да поможет Аллах!»,
Движение выразив даже,
Вдруг кожей чувствуешь страх.

И сразу приходит раздумье,
Смывая с души эпитаж:
- Зачем на безумство иду я?
К чему мне геройская блажь?

Вот так зачастую рассудок
Спасает в критический час:
- Что лучше: безумный поступок
Иль страх, ограждающий вас?

Перевод А. Курлени

МОЛНИЯ

Что ты? Не знаю я...
Но сверкай, молния!
Может, ты дальней звезды
Измученный луч?
Рви небо, молния!
Пусть тучи корчатся в падучей!
Ночь прочь, молния!
Туч грохоту не внемли...
Взрезая грудь проклятых туч,
Благослови их кровью землю.
Со степью жажду
Утолю я —
Спасибо, молния!
Откроешь к солнцу
Путь колосьям.
Жги нечисть, молния!
Дав жизнь и свет подзвездной юрте,
Соединись навеки с утром...
Перевод Ю. Полякова

ВИХРЬ

И что так грозно небо хмурит брови?
Этой хмури я всю смеюсь:
Я совсем не заячьей ведь крови,
Ничего я в мире не боюсь!
Небо пусть завешивают тучи,
На земле насупленной ни зги,
У меня в июньской этой буче
Мужества, хоть раздавай в долги.
А вот и вихрь... он в сумасшедшем ритме,

Пустился в свой неподконтрольный пляс.
Не только мне погибельно он выткан —
Грозит он смертью каждому из нас.
Но ты сейчас свирепствуешь с оплошкой,
Замечу, с удовольствием причем,
Ты не владеешь молнией скоморошьей,
Небесным, страшным, голубым мечом.
Нет, вихрь, поверь, что сила силу ломит,
Не думай, что сильнее нас, простаков.
А сила есть ведь даже у соломы,
Не поднимай же пыль до облаков!

Перевод Ю. Полякова

ВОСЬМИСТИШИЯ

У меня есть триста один враг,
Больше, чем друзей, пожалуй, втрое.
С ними дружбы я хотел поднять бы флаг
Утром и вечернею порою.
Со злодейством я давно знаком,
Но грудь моя не исторгает вздоха.
Я отвечаю гадости добром,
Гляжу, как подлый совершает плохо.

* * *

Еще вчера я был друзьям «Маке»,
Обнявшись, бескорыстно расходились.
Живут они теперь невдалеке,
Но что-то интересное случилось.
Макушки полысели у ребят,

Настала жизнь подобьем что-то бреда:
Гляжу вокруг – к подъезду не торят
Они давно уверенного следа.

* * *

И шум, и гам смешались в голове,
Наперегонки мои раздумья скачут.
Догнать, поймать, понять – и не иначе,
И полететь, как в чашу соловей.
И сижу шаманом, потеряв контакт
С чародейством, дьявольскою силой.
И стих мой, как обиженный юнак,
Пройти старался неучтиво мимо.

* * *

Прямолинейным быть наметив,
Я напрямик заговорил:
Я его, «Буру^{*}»-то не заметил,
А знал – удар бы отразил.
Не ожидал я крепкой брани,
Мой разум съехал набекрень.
«Тебя согнул бы в рог бараний», –
Теперь скулит мне каждый день.

Перевод Ю. Полякова

* Бура – верблюжий самец (каз.)

ВСТРЕЧА С РЕЙНОМ (Владимиру и Нине Хариным)

У подножья Альп остроконечных,
Порожденьем чистых ледников,
Воды Рейна мчат, резвясь, навстречу
Мощному течению веков.
Древняя река седой Европы,
К северу свершающая бег,
И мои омыла нынче стопы,
Что вступили на песчаный брег.
Плещется волна, взбивая пену,
Мирно шепчет мне о тайне вод,
Что скрывают истинную цену
Готской славы, трений и невзгод.
Рассекая дивные просторы,
Где царят порядок и покой,
Рейн течёт, лаская немцев взоры
И зовясь великою рекой.
Я тяну к волнам бегущим руки,
Погружен в раздумье и мечты,
Слыша сердца раненого стуки
У чужой невиданной воды.
И одолевая искушенье
Немцев за былое проклинать,
Принял, как мальчишка, я решенье
Броситься в чарующую гладь.
И моё приняв нагое тело,
Сбросившее мыслей череду,
Рейн омыл меня свежо и смело,
Подводя под прошлое черту.
И с собой в одно меня сливая,
Прижимая к пенистой груди,

Убаюкал, боль мою смывая,
Что в душе моей разбередил.
Я не помнил горестного детства,
В муках пережитую войну,
Выврав зло минувшее из сердца,
Окунаясь в чистую волну
И омывшись в сладостной купели,
И читая Гёте громко вслух,
Я стоял у зыбкой колыбели,
Где рождён в веках немецкий дух.

Перевод А. Курлени

ПАМЯТНИК ВИЛЬГЕЛЬМУ 1

Ратный конь застыл на пьедестале,
А на нём, в доспехах боевых,
Восседает кайзер, глядя в дали,
Весь в мечтах о маршах строевых.
Гордый, величавый всадник медный,
Сквозь века стремящий грозный взгляд,
Он немецкий славит дух победный,
Силу, что не ведает преград.
Веет мощь от царственной фигуры,
И стремясь её постигнуть суть,
Я иду к подножию скульптуры,
Чтоб в глаза Вильгельму заглянуть.
Ангел с распростёртыми крылами
Охраняет кайзеровский век.
Пруссак с великими делами
Он – его удачи оберег.
Тенью за могучими плечами
Воедино с кайзером он спит,

Охраняя днями и ночами
Царственный скульптурный монолит.
Пусть века шагают по планете
И тускнеет праздничная медь,
Но Вильгельма дух не канул в Лете,
И его делам – не умереть!
И его в народных гордых песнях
Слава над Германией летит,
И Вильгельм на самом видном месте
Вечно в сердце Кобленца стоит.

Перевод А. Курлени

ТОСКА ПО РОДНОМУ АУЛУ

По родному тоскую аулу, по дому тоскую,
В память детства аукаю, память святую.
По братишке, задире бедовому, часто скучаю,
По копытному гулу тоскую глухими ночами.
Чудный звук колокольчика чисто из памяти льется,
В звук домбры старой звонкой нотой вплетается.
Сердце слабою птицей в груди встрепенется,
Словом тайным, но сильным в душе отзовется.
Вижу в мареве памяти: той аульчан собирает,
Древний чайник ведерный в костре закипает,
Дышит вечер прохладой, а я наяву ощущаю
Запах древнего чая, горячего, древнего чая...
Сполох памяти – слезы опять закипают,
На лужайке мои одногодки играют.
Снохи статные братьев ласкают украдкой,
А батыры открыто ласкают своих ненаглядных.
Дым кочует безвыходно в старой коптильне,
Ноздри запах щекочет копченой конины,
Пахнет дымом старое мамино платье –
Ничего нет душевнее мамы объятий!
Когда стих пробуждается в сердце усталом,
Когда мало участия, сердечности мало,
Я по маме тоскую, по дому тоскую
В память детства аукаю, память святую.

Перевод С. Овчарова

КАРАГАШ

От тебя вовеки не уйти,
Карагаш – святая пристань детства,
По дуге орбитного пути
Мне у солнца юности вертеться.

Притулился старый мой аул
К краешку березового леса.
Сколько я всего в тебе хлебнул,
Данного от бога и от беса!

Я порой спиною заслонял
Наш посев от злого гнева неба,
Чтоб мой род людей не потерял,
В зной оставшись к осени без хлеба.

Помню я, как две мои сестры,
Горькими слезами в голос плача,
Вязли в черноземе борозды,
Плуг таща заместо старой клячи.

Помню, как осталось пять «дымов»:
Вымирал аул в лихие годы.
Помню, как в снегу копали кров
Пригнанные в ссылку к нам народы.

Память всем, ушедшим в мир иной,
Тем, кто возрождал аул из пепла.
От потомков вам поклон земной,
Жертвам жара сталинского пепла.

У тебя отнюдь не частый гость,
Мой аул, но лишь вступлю в пределы,
Землю я беру святую в горсть,
Чтоб запели вновь душа и тело.

Помню всех родных по именам:
Самеке, Кайсара, Омирзака,
Что хотели лучшей доли нам
Под высокой крышей зодиака.

На песке белесом Балыкты,
С тихими волнами по соседству
Вижу их размытые следы –
Память из поруганного детства.

Белый голубь машет мне крылом,
И срывая с времени коросты,
С непокрытым я стою челом
На краю аульного погоста.

И уйдя в степную тишину,
Думами тяжелыми охвачен,
Вспоминая страшную войну,
О погибших родственниках плачу.

Близок был мне их духовный мир,
В грубости житейской светлый, тонкий.
Помню, как Иса, Аубакир
На сынов держали похоронки.

Ах, каких батыров больше нет!
И кого сейчас призвать к ответу?

Но горел в очах отцовских свет
Гордости за этот вклад в Победу!

Как жалел я в черный час беды
Тех орлов, отдавших дорогое.
Карагаш, оплакивал их ты
В скорбный час их вечного покоя!

Помню голод, слезы, горе, мор,
Рожь, что зной убил нещадно в поле,
И живет зарубкой до сих пор
Память о суровой нашей доле.

Как нам только выжить удалось?
Только вместе, дружную семью.
У казахов исстари велось
Так держать святую связь с землею.

Ты, аул, сейчас совсем другой,
Но хотя мое стареет сердце,
От тебя, любимый, дорогой,
Никуда не скрыться и не деться.

Я смотрю на чистый небосклон,
Вспоминая молодость былую,
И, отдав Аллаху свой поклон,
Землю карагашскую целую!

Перевод А. Курлени

ПОКА ЖИВА МОЯ СТЕПЬ

Широту подарила душе моей,
Нанизала цветы на грудь.
Счастья, радости, песни твоей
Хватит, верю, на весь мой путь.

Словно подвигов кладезь – добытые руды,
Я о подвигах этих пишу.
А зерна, летящих звезд изумруды,
Степь осыпали – щедрый шашу.

Разлилась твоя слава по всей земле,
Светит радостью в лике моем,
Это счастье в просторах твоих полей
И богатство, что льется ручьем.

Радость творчества – вот богатство мое,
Что возносит меня до небес
И на землю тепло лучезарное льет
Водопадом любви и чудес.

Нам не надо бояться грядущего дня –
Человек, посмотри вперед!
Словно сокол, летит мечта моя,
Степь бескрайняя в путь зовет.

Перевод Л. Штанько

ЖОЛДЫОЗЕК

Жолдыозек – вот он!

Сыплет гладь озер алмазы-звёзды,
Слышен лебединых крыльев свист.
И настоенный на травах воздух,
Словно молоко парное, чист.

Жолдыозек – вот он!

Звук моторов по степи бескрайней.
По ветру звенящая трава,
И гудят, гудят станки, играя,
Из железа вяжут кружева.

Жолдыозек – вот он!

Лучезарный, добрый и цветистый,
Созданный руками рай.
Приезжай, мой друг!
Своим гостеприимством
Покорит обетованный край!

Жолдыозек – вот он!

С вьюгами сердитыми, снегами,
С речками, зелёным тальником,
С облаками – белыми мехами,
С детством, что гуляет босиком.

Жолдыозек – вот он!

Словно в капле солнца, всё твое раздолье
Отразилось в нём, мой Казахстан,
Здесь мечтал под звёздами Акан,
Здесь сказал о радости и боли
Наш казахский златоуст Биржан.

Жолдыюзек – вот он!
Если по пути аул тебе, друг мой,
Примет он тебя в свои объятия,
Спрячет от беды и от ненастья
И согреет щедрой добротой.

Перевод Л. Штанько

СТАРИКИ

Аксакалы – не старичьё!
Их в ауле любили мы очень,
Не перечили им мы ни в чем,
Старики у казахов в почёте!

Слушать я люблю аксакалов,
Неприступных, как горные скалы...
В острых спорах сверкают слов сабли,
Горе, если о них забывали!

Как степенны у нас старики,
Уважать их недаром положено...
Опираясь на посох руки,
Я их слушаю замороженно.

Перевод В. Шестерикова

ЗИМНИЙ ЛЕС

Ах! Белобровой гостыи чудеса,
Какое нам приносят вдохновенье.
В пушнину разодетые леса,
Серебряного ветра дуновенье.
Загадки леса трудно разгадать —
На все лады они поют и свищут.
Есть музыка, которую всегда
Вдали от леса
Мы, тоскуя, ищем.

Перевод В. Шестерикова

НАУРЫЗ-ВЕСНА

Мать-земля
Покрывается ярким ковром.
Весь в цвету край родной —
И поля, и леса.
Лебединая песня плывет за яром,
По озерам,
Куда глядят небеса.
Первый дождик весны,
Как легендарный шапу,
Звонкой каплей ко мне с неба.
И земля —
Колыбель по зерну-малышу
Принимает в себя,
Одарить чтоб нас хлебом.
Вижу завтрашний день
Я в цветеньи
И ликующий гимн слышу
Песенным сердцем.

Здравствуй, мой наурыз –
Мирный праздник страны.
Как тут пляскам не быть,
Как тут песням не петься!

Перевод Д. Ауельбекова

ГОЛОСА ВЕСНЫ

Всё шумит. Слышны раскаты грома,
Перед перекатами шумит река.
Вот и море – будто бы у дома,
Шум его пришел издалека.

Шумит камыш, он перелескам вторит,
Орлиный клекот заглушает все.
Под ветром сильным наклонились в горе
Березоньки. Растрепаны совсем.

Хор голосов. Симфония весною
Слышна. Ликуют голоса
Природы всей. И даже неживые,
Поют сегодня небеса.

Перевод В. Шестерикова

ПОЛДЕНЬ

В моей груди вдохновенье пело,
Начался кокпар, сердце гулко стучит.
В моей груди борьбы вдохновенье,
И дома покоя не мог я найти.
Я не пойму, что со мной творится,
Крепким копытом стало сердце бить.
Начался кокпар, солнцем степь искрится.

Нужен самый полдень, чтобы победить.
Не склонись к закату, солнце моё светлое,
Из твоих лучей взял себе я жар.
Пусть горит огонь – для лихой победы,
Пусть не остановится в груди моей кокпар.
Перевод Л. Штанько

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

Ты дева в изумрудном платье,
Земля моя!
Фантазия, мечта и счастье,
Земля моя!
И с детства той мечты во власти
Летаю я.
Как лебедь на озёрной глади,
Земля моя!
В очах твоих печаль и радость,
Земля моя!
Я сын в твоих объятьях,
Земля моя!
Я ширь и красоту пою,
Земля моя!
Я подвиг твой и мужество пою,
Земля моя!
Едина будь, всегда тебя молю,
Земля моя!

Перевод Л. Штанько

ИЗ РАССКАЗОВ МАТЕРИ

Вот аул мой – родной мой дом,
В нем как будто мир и покой,
Словно птиц улетевших гнездо.
И засыпан очаг золой,
Не увидишь в ауле собак,
Даже птица крылом не шуршит
И не слышно ребячьих ватаг,
Сила страшная в той тиши.
Где же люди – народ честной?
И куда подевалась жизнь,
Что текла бурлящей рекой.
Эй, хоть кто-нибудь, отзовись!
Опрокинут казан на кошме,
Люд покинул родной очаг.
С Кызыл-Жара и до Кокше
Дышит черная смерть в очах.
Солнце знойное степь палит,
Для казаха судьбины нет злей,
Никого она не щадит
И лишает могилы своей.
Смерть и прах средь полей и круч,
Взгляды мертвых направлены вдаль...
В них надежды лишь теплится луч,
В них превратность судьбы, печаль.
Сохранившие гордость и честь
В свой последний, предсмертный час,
Братья смелые, где вы есть?
Где народ наш кочует сейчас?
Разбрелись по земле большой,
Лучшей доли пошли вы искать.
Кем же писан закон такой,

Чтоб от лиха вот так вымирать.
Может, выглядит так беда,
Как от голода вздутый живот.
Только даже в лихие года
Свет надежды в народе живёт.
Лишь бы выжить, только бы жить...
И уйти от суровой судьбы,
Легче злого коня покорить,
Чем краюху хлеба добыть.
Для казаха тайга – дикий край,
Но он встретил его, как родной:
Здравствуй, русский! Якут, - встречай!
Разделили вы хлеб с нами свой.
И спасли нас в лихие года!
Дороживший честью народ
Не сломила лихая беда!
Выжил славный казахский народ!
В чужедальних диких местах
Чтят могил одиноких холмы...
Ветер, ты же бываешь там,
Мой поклон передай родным.
Вспоминаю их, больно мне,
Память сердце моё томит.
Грустной песней звучат в тишине
Невесёлые мысли мои.

Перевод Л. Штанько

ГОЛОД

Степь безлюдная. Суховей.
Опалённый солнцем тальник.
Спит берёза – кора на ней
Так и пышет, пожар б не возник.
Солнцем выжжен степной ковыль,
Ой, жара, даже в горле саднит,
Только ветер и зной, и пыль,
В пепел высохшие сады.
Что, светило, померкло ты?
Отвернулось, увидев смерть?
Не цветут по степи цветы,
И уж некому песни петь.
О, владыка мира, ответь,
В чём народ провинился мой?
Почему же ты слышишь, степь,
Только стон и хищников вой?
Мой народ – казах кочевой –
Принимает всех за друзей.
Беден в жизни – богат душой,
Дастарханом встретит гостей.
Но загнали в колхоз народ,
Хоть земля ему не родня,
Вольный ветер брат для него,
И не жизнь – без седла и коня.
Голод хуже сумы и тюрьмы,
Он прошёлся по нас косяком,
Где же власть, что приняли мы,
Распростёрши объятия, в свой дом?
Где же Сталин, которого мы
Называли своим отцом?
Нет ответа, безмолвствует степь.

Не увидишь вокруг ни души.
Только холодом веет смерть,
Только ветер траву ворошит.
Молча слёзы глотает казах,
Кто беду ту поможет унять?
Великий, всевышний Аллах,
Только ты это сможешь понять.
И поник несчастный казах:
Нет той стати, каким бывал,
Обессилен он, иссяк,
И на труп холодный упал.

Перевод Л. Штанько

ВЫПЬ НА ОЗЕРЕ БАЛЫКТЫ

На берегу твоём, о Балыкты,
Я снова клич тот слышу:
«Вы-пью, вы-пью!»
Давно привыкла к этой птичке ты,
Что не напрасно называют выпью.

Я слушаю, дыханье затаив,
Ручьём тот клич
Мне прямо в душу льётся...
Мальцом я плакал, слыша тот мотив:
«Никак её одолеть не удаётся!

Не выпить бедной озеро никак...»
То словно кто-то
Воду палкой лупит,
То в камышах как будто лай собак –
Кто эту птицу и за что полюбит?

Она то молодежи из села
Бельё, смеясь, на озере полощет,
И икрами сверкает, весела,
То жалобно на жизнь плохую ропщет.

Береза на пустынном берегу
Ветвями в удивлении качает,
Я отыскать ту птицу не могу,
Вновь камыши исследуя ночами.

Казалось – великанша там живёт,
Что всех в округе
Громогласно будит...
Я, Балыкты, давно не мальчик тот,
Но вышь искать не отучили люди.

Я так истосковался по тебе,
По голосу той птички одинокой,
Что заставлял не раз в моей судьбе
Грустить о малой родине далёкой.

И вот опять стою на берегу,
И вышь, воспоминаньям потакая,
Кричит, и слёз
Сдержать я не смогу:
В Сары-Арке
Она одна такая!

Перевод А. Пряникова

ТОСКА ПО ДЕТСТВУ

Я мудр и устал от забот и сует
Сумбурной эпохи, старик и поэт.
Пресыщено драмами жизни мирской,
По юности сердце исходит тоской.
Когда-то стерег я отары овец,
Невинный, как агнец, голодный малец.
И тысячи звёзд из ночной высоты
Рождали в душе моей чудо-мечты.
Я помню, как солнцу навстречу бежал,
Наслушавшись маминых сказок, мужал,
Врагов побеждая на белом коне
В счастливо-туманном восторженном сне.
А утром, к великим свершеньям готов,
Колхозный подпасок, гнал в поле коров,
И кожу съедал мне удушливый пот:
Для тяжких рожден был парнишка работ.
А как я скучаю по школе своей –
О светоче шумных и радостных дней,
Где, предков заветы стараясь сберечь,
Я слушал учителя мудрую речь.
Пусть в трудном, – я в детстве остаться хотел.
Но в горе военном я быстро вырослел.
И мысли стремились из детства бегом
Во взрослое завтра за сытым куском.
И вот на кобылу верхом взгромоздась,
Помчался я в город, отъездом гордясь.
Растаял за лесом, как будто мираж,
Мечты моей остров – родной Карагаш.
Года пролетели, что твой метеор,
Теперь на подъём я не лёгок, не скор,
Но выпал бы случай, в какой-нибудь час,
Я б в детство уехал обратно сейчас!

Перевод А. Курлени

РОДНОЙ АУЛ

То вспыхнет надежда, то снова погаснет,
А сердце в тревоге кричит: «Караул!»
Всё глубже в разрухе и немощи вязнет
Когда-то цветущий, любимый аул.

Как горько мне видеть скелеты развалин,
Вдоль ленты асфальта, закатанной в грязь.
Разрушен очаг мой, я опечален,
Что с предками рвётся духовная связь.

Но верно – придут возрожденья приметы,
И вновь нас потянет, как в детстве, домой.
Не должен исчезнуть в безжалостной Лете,
Оплот поколений – аул наш родной.

Перевод А. Курлени

ШАЛ АКЫНУ

О, предок мой, узнай меня при встрече,
Когда приду отдать тебе поклон.
Ты – покровитель рода и предтеча
Поэта, музой взятого в полон.

Аллах нам указал одну дорогу,
И нам богатство дадено одно –
Поэзия, и мне с тобою в ногу
Идти всегда по жизни суждено.

А нрав ее капризен, как у девы,
Порой, как ветер, он не укротим,

Но я стремлюсь казахские напевы
Вложить в строку, твой верный побратим.

И сердцем чист, с душою окрыленной
Я славлю красоту земли родной.
Как славил ты, светло и упоенно,
С ней нитью жизни связанный одной.

Не знаю я иного человека,
Кто б даль веков так словом осветил
И лучезарных зорь Жолдыюзeka
В сердца людей энергию вместил.

Смог только ты, акын непревзойденный,
В ком сердце-факел прожигало тьму,
И я, огнем священным опаленный,
Стремлюсь быть верным слову твоему.

Перевод А. Курлени

МАГЖАНУ

Из туранского рода ты,
Гордость Сарыарки.
Корни тюрков природные
Так в тебе глубоки.
Слава птицей крылатою
Разнеслась о тебе,
Но кровавою платою
Смерть в трагичной судьбе.
Был своим современникам
Ты бельмом на глазу,
И хвалой соплеменникам

Сам накликал грозу.
Злобным, черным доношением
Управляла рука
Тех, кто видел, что творчеством
Обогнал ты века.
Болью сердца отважного
Ощущал ты навет.
В рамки времени страшного
Не вписался поэт.
Помним жертв бессердечности,
Ты – один среди них,
Но кочует по Вечности
Твой блистательный стих,
Неподвластный забвению
И крамольным речам,
Как ответ поколению
И твоим палачам.

Перевод А. Курлени

ПЕСНЬ О МАГЖАНЕ

Как сердцу не биться от радости,
Познавшему боль и тоску,
Когда в поэтической яркости
Рождает о вечном строку!
Душа, как пучина могучая,
Крутыми волнами бурлит
И выплеснуть смелую, жгучую
Слезу на бумагу велит.
Твоими стихами омытая,
Проснулась от спячки страна,
И правда, в архивах сокрытая,
Теперь для казахов видна.

Она, словно звезды небесные,
Нисходит лучами с небес,
Вскрывая лета мракобесные
Немеркнувшим светом словес.
Гордись же магжановым мужеством
Всяк в вольной Степи человек,
Как горд им, ведомый содружеством
Землячества, Жолдыюзек.
Как горд им южанин обласканный
И сын кызылжарских берез,
Синдзянец с корнями казахскими,
Казах, что в Монголии рос.
Испейте же мудрость поэзии,
Святые открыв родники,
Все те, кто свободой грезили,
Зов пестуя Сарыарки.
Я сам из источника чистого
Магжана поэзии пью,
И долг свой из сердца лучистого
Стихами ему отдаю.
Отмечу своей справедливостью
Того, кто приблизил для нас
Поэзией божьею милостью
Свободы чарующей час.
Магжан, Человек лихолетия,
Пронесший свой крест до конца,
Ты словом, шагнувшим в бессмертие,
В нас вновь зажигаешь сердца!

Перевод А. Курлени

1941 ГОД

В этот огненный год опалило нас горе,
Как многих других, нет которым числа:
На брата, погибшего смертью героя,
В ноябрьские дни похоронка пришла.
Ее почтальонша дрожащей рукою
Достала из сумки, входя на крыльцо,
И мама со жгучей, чернея лицом,
И вторя глухим и надрывным рыданиям,
Почуяв неладное в столах ее,
Завыла собака, удвоив страданье,
Сковавшее детское сердце мое.
Он старшим был в нашей сиротской ватаге —
Защита и гордость, мой ласковый брат,
Закрывший собою комбата в атаке
От града осколков фашистских гранат.
К нам люд приходил с утешеньем и снедью,
Чтоб чем-то нас в страшной беде поддержать,
Но я отгонял их крученою плетью,
Не веря, что брат может мертвым лежать.
И мама никак не могла примириться
С суровою правдой на сером листке,
С безумством в глазах продолжая молиться,
Чтоб ложью та правда была о сынке.
О чем же он думал в мгновенья до смерти?
О нашем ауле, попавшем в беду,
О маме, с которою младшие дети
Терпели в лихую годину нужду?
А может, о той длиннокосой девчонке,
Что в школе казалась красивей иных,
С которой на проводах, стоя в сторонке,
Он тихо шептался тайком от родных?

Не знаю... Но душу взрывая на части,
Всю ночь напролет проскулив до утра,
Пропала собака у нас в одночасье,
Исчезнув навеки с родного двора.
Наивный, поверил я собственной сказке,
Которую всем был готов рассказать,
Как умная псина, возвращенная в ласке,
Ушла, чтобы брата живым отыскать.

Перевод А. Курлени

ТЕБЕ БЫЛО СЕМНАДЦАТЬ
(Брату Мубараку)

Тебе семнадцать было, брат,
Семнадцать раз ты видел лето,
Семнадцать раз встречал закат
И у судьбы искал совета.

Тебе семнадцать было, брат,
Но возмужал ты очень рано,
Любил и жизни был так рад,
И за работу брался рьяно.

Не мог ты знать, иль угадать,
Что ждет в судьбе тебя несчастье,
Что смерть коварно будет ждать,
Прервав навек мечты и счастье.

Вступил бесстрашно в новый бой,
А ведь тебе всего семнадцать.
Желал закрыть страну собой,
За дело правое сражаться.

Как я тоскую по тебе,
Не удержать мне сердца слезы.
Не властны мы в своей судьбе,
Лишь память горькая и грезы.

Я помню, как ты уходил,
Как обнимал меня, прощаясь,
И ясным взором нас бодрил,
Так сокровенно улыбаясь.

Я столько лет искал тебя,
Просил Всевышнего о встрече.
Не знал, могила где твоя,
Где похоронен ты навечно.
Перевод С. Ибраева

МОГИЛА СОЛДАТА

Лежит солдат вдали от рода,
В холодной вечной тишине.
Он был казахом, из народа,
Батыр, погибший на войне.

Присяге верный, долгу, чести,
С горячей кровью, молодой,
Он ждал с аула доброй вести,
Чтоб защитить свой край родной.

Фашистам спуска не давая,
Не отступив ни шаг назад,
В атаку братьев поднимая,
Шел на врага мой старший брат.

А смерть его не пощадила –
Свинцом пробила сердце, грудь.
Земля героя приютила,
И дух ушел в небесный путь.

Последний взор, картины края,
Родная степь, отец и мать,
Полынь-трава и звук сырная –
Он будет вечно вспоминать.

Перевод С. Ибраева

«А–П–А–А–А!!!»¹

В разгаре бой. Звучит призыв к атаке
За этот страшный день в который раз.
И брат мой, верный долгу и присяге,
С сырой земли срывается, как барс.

Перстом Тенгри с молодых ногтей джигиты,
Едва увидев свет, осенены
И верностью земле с Аргыном² слиты,
Родной Степи достойные сыны.

«У-р-ра-а!!!», и нет уже и тени страха.
Горячий автомат наперевес.
И сердце живо духом Аруаха³,
На войну смотрящего с небес.

¹ Апа (казах.) - мама

² Аргын - прародитель казахов (Среднего жуза)

³ Аруах (казах.) - дух предков

А пули свищут рядом, словно осы,
И смертоносен груз свинцовых жал.
Уж сколько раз со смертью носом к носу
Он был, над ней победу одержав.

И в этот раз не думал он о смерти,
Летя навстречу ей степным орлом,
И жестокой и кровавой круговерти,
Спеша к заветной цели напролом.

Уже видны фашистские траншеи,
И ты, батыр, свой дух вдвойне крепи;
Хоть быть живой не хочется мишенью,
Но и нельзя и выпасть из цепи!

Ах, сколько страсти, злости и порыва
Вложил в тот бег отчаянный боец.
Но вдруг упал от минного разрыва,
В полях России свой найдя конец.

И вместо клича в той неразберихе,
Где в рукопашный ринулась толпа,
Из уст его в последнем смертном крике
С кровавой пеной вырвалось: «А-п-а-а-а!!!»

И содрогнулось небо над планетой,
Услышав то, что всем милей всего –
Священный гимн, душой бойца воспетый
Уже несчастной матери его.

И это слово через расстоянья
Всем страшным непредвиденным смертям.

И что-то в сердце матери кольнуло,
И тень судьбы ее коснулась лба,
И посреди далекого аула
Она с небес слышала «А-п-а-а-а!!!»

Перевод А. Курлени

БРАТ, ВЕРНИСЬ!

Не вернулись многие с войны,
Не вернулся старший брат мой тоже.
Как дороги памяти длинны!
Как же тяжелы они, о боже!

Сколько лет и зим по ним иду
К образу невидимого брата,
Сколько с горькой мыслью не в ладу,
Что ушел он в небо без возврата.

Принимаю данное с трудом,
Продолжая в прошлое стремиться,
Вспоминая наш сиротский дом,
Что к войне остался без кормильца.

Был мне брат любимый за отца,
Мама была надеждой и опорой,
И глядел глазами я юнца
За его, гордясь, работой спорой.

Разве голодали б мы в войну,
Будь он в дни лихие рядом с нами?
Но однажды утром в тишину
С рюкзаком ушел он за плечами.

Помню, как кричал ему вслед:
«Возвращайся, брат, домой скорее!»
С той поры минуло столько лет,
Но а боль за прошлое острее.

А всего-то только пиала
Мне на память от него осталась.
Незаметно как-то подошла
И ко мне — подруга скорби — старость.

То ль sentimentalней становлюсь,
То ль война доселе виновата,
Только чаще плачу и молюсь,
И зову домой вернуться брата.

Перевод А. Курлени

ЧТО ВЫЖИЛ Я, – БЫЛО ВЕЗЕНЬЕМ

Что выжил я, – было везеньем
В ту зиму, где правил мороз.
Мы ждали весну, как спасенье
От голода, хвори и слез.

Своею сиротскою кожей
Беду ощущал я сполна:
Была непосильною ношей
Для плеч постреленка война.

С тоскою глядел я в окошко,
Пропитанный горем насквозь,
На солнце, что в виде лепешки,
На небе январском пеклось.

От мыслей о сытости маясь
И плача порою навзрыд,
В минуты отчаянья, каюсь,
Терял я и гордость, и стыд,

И тайно рукой малолетки
Из миски вылавливал я
От трапезы скудной объедки,
Что псу отделяла семья.

Так голод калечил сознание
И щуплое тело мое,
Что я до сих пор с содроганьем
Свое вспоминаю житье.

О, ты, безотцовщины доля,
Поведай, как ранней весной
На майском оттаявшем поле
Я ползал, как будто чумной.

И ел, предрассудки отбросив,
Ладонь исколов о стерню,
Останки прогорклых колосьев –
Весеннее чудо-меню...

Как вспомню, – жалею до боли
Подранка голодной страны –
Себя на оттаявшем поле
Жующего горечь войны.

Перевод А. Курлени

ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Был я когда-то подпаском,
Гнавшим в ночное волов,
Мальчик, не знающий ласки
И одобрительных слов.

Стадо сгоняя к болоту,
Где посочнее трава,
Делал за взрослых работу —
Отчего дома глава.

Зная болезнь малокровия,
Нищий, в осенние дни,
В свежем помете коровьем
Грел я босые ступни.

В горе семьи вовлеченный,
Вдоволь хлебнувший нужды,
Думать не мог ни о чем я,
Кроме отца и еды.

И озирая во мраке
Спящих и сытых волов,
Был я, подобьем собаки,
Возле растущих хлебов.

Как драгоценный подарок,
Что преподносят века,
Ждал я с надеждой доярок,
Чтобы испить молока.

Перевод А. Курлени

БАЛЛАДА О НЕУМИРАЮЩЕЙ НАДЕЖДЕ

Сердце неистово бьется,
Рвется из тесной груди.
Сколько ему остается
Жить в человеческом пути?

Бедный старик у дороги
Сел, отдыхая, в траву,
Вытянув пыльные ноги,
Хмуρο понурив главу.

Сердце состарилось в горе,
Сжалось в комок ледяной.
Скорбная мука во взоре,
Испепеленном войной.

Черной раздавлен бедою,
В думу старик погружен.
И головою седою
От бытия отрешен.

Образы славных джигитов
Вновь пред очами встают.
Где они: может убиты?
Весточек не подают...

Два его сокола сына...
И, зарождаясь в тоске,
Скорбно стекает слезина
По загрубелой щеке.

Треплет неласковый ветер
Инеевый клин бороды.
Где справедливость на свете?
Где же конец у беды?

Слезы в глубоких морщинах
Метят свой след соляной.
Плачет от горя мужчина,
Испепеленный войной.

Стон, улетающий в небо,
Слышит притихшая степь:
- Милых кровинушек мне бы
Только б увидеть успеть!

Только бы грудью прижаться
К их богатырской груди.
Боже, над старостью сжался,
Путь к моим детям найди!

Сердце мое изболелось
В вечной тревоге за вас.
Знать бы мне очень хотелось:
Где вы, родные, сейчас?

Знаю: солдатская доля
В битве кровавой тяжка.
Только Всевышнего воля
Вас оградит от врага.

Я – не из робких мужчина
И не боюсь умереть.

Но пред своею кончиной –
Вас бы увидеть успеть!

Хвори меня одолели,
Сердце с надрывом стучит.
В старом, изношенном теле
Жизни иссякли ключи.

Стал я, как старая кляча,
Что на дороге стоит.
Нет, сыновья, я не плачу,
Это лишь сердце болит.

Хлеб нынче выдался важный –
Вот где раздолье рукам...
Бейтесь, сыночки, отважно,
Нету пощады врагам.

Прочь их, проклятых, гоните –
Так завещает отец...
Стар я, и жизненной нити,
Видно, приходит конец.

Знаю, без черного страха:
Смерти мне не одолеть,
Но перед встречей с Аллахом –
Вас бы увидеть успеть.

Книжицей сложены руки,
Тихо молитва звучит.
В боли отцовской и муке
Старое сердце стучит.

Вздых, - и пора подниматься:
Страдное время не ждет.
- Надо нам, брат, постараться,
Ну, потихоньку - вперед.

И без кнута и без взбучек,
Дернув с усилием воз,
Мерин повозку с горячим
В стан к трактористам повез.

Двигутся полем трудяги,
Свой доживающий век:
Списанный конь-доходяга
И пожилой человек.

Солнце склонилось к закату,
Запад в кровавых тонах.
В думах старик о солдатах:
Им да поможет Аллах!

Вдруг, как каленым металлом,
Грудь старику обожгло
И пеленой обметало
Очи его и чело.

Сквозь роковое затмение,
Будто божественный свет,
Видит старик в отдаленье
Смутный двойной силуэт.

Будто по сжатому полю,
Благом последних минут,

Теща отцовскую долю,
Дети навстречу идут.

И не страдая вопросом,
Кто там пред взором мелькнул,
К сросшимся в поле березам,
Как к сыновьям, он шагнул.

- Слава Аллаху! Дождаться
Смог я родных сыновей.
Дайте же сердцем прижаться
К вашим сердцам поскорей.

Дайте на вас наглядеться,
Мой осчастлививших дом,
И перед смертью согреться
Ваших объятий теплом.

Вот вы со мною, как прежде.
Сколько же лет пронеслось!
Сбыться отцовской надежде
Смерти назло довелось!

Гладит он мальчиков милых
Похолодевшей рукой:
- Можно теперь и в могилу
Лечь мне на вечный покой!

Что-то сказать еще хочет,
Но, погружаясь в туман,
Гаснут счастливые очи,
Зрительный видя обман.

Ветер отцовские слезы
Сушит мечте невпопад.
Две молодые березы
Тихо над телом шумят.

Перевод А. Курлени

ПОДРАНКИ ВОЙНЫ

Опаленное детство войной,
Я с тобою, стреноженный конь,
Не наступит покуда покой
На Земле, я покоя лишен.

Я родился в кровавый тот год,
Когда бал правил смерти Ежов,
Когда лучших сынов мой народ
Под расстрел отдавал, как врагов.

Страха смерти еще облака
Над родною витали землей,
Как голодные, мы, детвора,
Были обданы кровью войной.

И за что нам такая судьба?
По кровавому снегу, босой,
Вот бегу, вот я снова упал
В темную ночь под кровавой звездой.

Кровью детских натруженных ног
И слезами горючими вдов
Удобрали мы наши поля,
Молотили по снегу зерно.

Стал над фронтом родной Ногербек:
Здесь в победу вложил свой труд,
И теперь нас, тех ранних калек,
Те года болью давнею жгут.

Посвист пуль пусть не слышали мы,
Кровь, огонь не видали в глаза –
До сих пор мы подранки войны,
Хоть войны отгремела гроза.

Перевод А. Сагындыкова

ФАС

Я боль не в силах превозмочь,
Весь в мыслях – о шалунье милой,
Была она, наверно, дочь
Кого-нибудь из сильных мира.

Иначе в год тот фронтовой,
Вплывала б разве, словно лебедь,
В голодный класс родимый свой
На переменах – с сумкой хлеба?

И как-то с ноткой озорной
Меня спросила: «Хлеба надо?
Ну, что ж, дружочек, он будет твой,
Но... заслужи его в награду.

Кусочек кину, а ты ртом
Его, как мой Полкан, поймаешь, –
Залилась смехом, – потом
Еще на радостях залаешь».

О, как был труден, как непрост
Урок моей соученицы.
Наверно самый умный пес
Не мог со мной в тот миг сравниться.

Я прыгал на глазах у всех,
Пытаясь в рот отправить ломтик,
Но падал хлеб под дерзкий смех:
«Ну, экий ты, джигит, неловкий!»

Вдруг раздалась команда: «Фас!»
И вот, голодный и несчастный,
Поймал я, прыгнув, словно барс,
Кусочек корочки хрустящей.

И снова – смех. И снова: «Фас!»
И вновь – удача за удачей,
Я ртом ловил хлеб про запас,
Под смех плутовки, слез не пряча.

Ну, как забыть мгновенья те,
Когда вдруг сумка опустела,
И потеплело в животе,
И – жизнь вокруг повеселела.

Прошли года. Я сыт сейчас,
Давно не мучают невзгоды.
Но отчего же возглас: «Фас!»
Меня преследует сквозь годы?

Перевод В. Шестерикова

МАТЕРИНСКОЕ ГОРЕ

Словно страшный, жуткий сон,
Помню: ты рыдала,
Расцарапала лицо,
В клочья платье рвала.
Вошь отчаянья с тоской
Купол неба рушил.
Плакал весь аул с тобой,
Рвал на части души.
Ты фашистов и войну
В горе проклинала,
И Аллаха, и судьбу,
Что всю жизнь сломала.
Сын погиб... Надежда – сын
В страшной лютой схватке.
Рвала клочья из косы
В яростном припадке.
Вот такой тебя пришлось
Мне увидеть, мучаясь...
Сколько выплакано слез
Было в этом случае!
Как болит твоя душа,
Видел я воочию...
До сих пор стоит в ушах
Крик твой – днем и ночью!

Перевод А. Пряникова

ВСТРЕЧА

(из воспоминаний детства)

- Идет солдат!
- Солдат идет! –
Шумят кругом односельчане.
И я бегу за поворот,
Где с фронта мы отцов встречали,
К дороге той, что увела
На запад жарким летом...
Она его вернуть должна,
И я не сомневаюсь в этом!
Я вихрем мчусь,
Несусь стрелой
И ног не чую под собою...
Я верю:
Старший братик мой
Идет домой,
Спешит из боя.
За камень цепляясь, упал –
Из глаз аж искры полетели...
Не искры – слезы,
Боль слепа,
Но зряче ожиданье в теле,
В истосковавшей душе
И в сердце крохотном ребячьем:
Вслед за гурьбою малышей
Опять бегу, от боли плача.
А он все ближе...
Неясна
Фигура -
Разгляди сквозь слезы!
Не он... Я брата бы узнал –

Я ждал его в жару, в морозы,
Он столько снился мне во сне...
Нет, то не он,
И мысли давят:
Он брата бросил на войне,
Но как он мог
Его оставить?
- А может, это дезертир? –
Шепчусь тихонько я с друзьями.
Но как же смотрит он на мир,
С какими к нам пришел глазами?
Но вот лицо он повернул –
Под чубом – черная повязка.
И стыд мне сердце захлестнул,
И на щеках смущенья краска:
«Он ранен...
Глаз он потерял».
И снова слезы одолели,
Он, на руки меня беря,
Сказал:
- Ну, что ты в самом деле?
Ты брата ждешь?
Придет и он,
Пока же я за брата буду...
И, дотронувшись до погон,
Я понял:
Нет, не позабуду
Ладонь солдатскую в руке,
Слова, что боль смягчили разом,
От слез бороздку на щеке
Под уцелевшим карим глазом.

Перевод А. Пряникова

МАТЕРИНСКИЕ СЛЕЗЫ

Много лет, как кончилась битва,
Очевидцев уносит время.
По степи половодьем разлито,
Подросло молодое племя.
Только если взглядеться в лик жизни,
Той кровавой войны последы,
Где растоптаны души и жизни
Не доживших до Дня Победы.
И на сердце раны зияют,
Как потухший степной очаг.
И аул до сих пор утопает
В материнских горьких слезах.

Перевод Л. Штанько

ТАБА НАН

...Шла война, зверели холода,
Жизнь, казалось, навеки уснула.
Я не помню уж — откуда и когда
Объявился тот джигит в моем ауле.
Маленький, в тулупе без заплат,
Улыбнулся мягко, взглядом грея:
- Эй, малыш! То правду говорят,
Что ты бегаешь в ауле всех быстрее?
Если так, промчись вокруг ограды,
Да смотри, друг, ноги не порань!
А за смелость ждет тебя награда —
Мягкий, душистый таба нан!
- Правда, дашь?
Джигит нахмурил брови:

- Стану спорить я с тобою, босяком! –
...И за теплым хлебом босиком
Я помчался, снег пятная кровью.
Прибежал к порогу, запыхавшись,
Чуть кривлюсь от холода и ран...
А джигит тот, вдоволь насмеявшись,
Отломил кусочек таба нан...
- Что, дружок, хлеб – не лебеда?
Эй, смотри, не потеряй ни крошки...
Ничего, хотя прошли года,
Я не ел вкуснее той лепешки.

Перевод С. Овчарова

БУРАН

Какой уж день метет буран,
Округа вся заметена.
В руках у бабушки Коран...
Идет священная война.

Аул в снегу и в темноте,
Кусочек каменного курта...
В курино-снежной слепоте
Кротоми ползаем по юрте.

Бураном сваленный сарай...
Сарай построен старшим братом.
На сердце камень у апай...
Алеет солнце страшным знаком.

И – в точь! В ночь увели рябую...
Или угнал корову смерч?!

Тогда увидел наяву я –
У входа в юрту стала смерть...

Сукно отмерила апай.
Коран замуслен до основы...
И чей-то крик вдруг: «Опырмай!» –
И – губы добрые коровы...

И счастья я не ощутил –
Я счастьем просто захлебнулся!
Как будто я фашистов бил!
Как будто с фронта брат вернулся...

Перевод С. Овчарова

ВЫБОРГСКИЕ ХОЛМЫ

Выборгские холмы
Сосен высоких полны.
Брожу в лесу, размышляя,
А мысли уносят вдаль.
Я, нить размышлений теряя,
Преступаю времени грань.
Вот блиндажи, окопы,
След кровавых боев.
Славный герой – кто ты?
Знать бы имя твое.
Схватки смертельные, дзоты,
Кровь струится ручьем.
Вокруг только дым и зной.
Березы все в ранах лежат,
Источая безмолвные слезы,
Но врага только видит солдат.
Кровь кипит в нем, он рвется в бой,

Последние силы напруг.
В небе синем алой зарей
На ветру развевается флаг.
Здравствуйте, милые сосны,
Вы ж одногодки мои.
Живы и вы, березы,
Прошедшие дни войны.
Может, вы из лесов петропавловских
Прилетели в эти края.
И, влюбившись, решили остаться —
Этот лес теперь ваша семья.
Березы кудрявые, стройные,
Тоже ждали победу они.
Березы, вы, словно войны,
Грудью встретили пули войны.
Славные петропавловцы,
Сыновья родимой земли,
Что сломали врага полчища,
Утро Выборга помните вы,
Ночи белые Выборга помните.

Перевод Л. Штанько

ОПОРА (Сестре Кизат)

Пришла военная зима,
Был лик ее суров.
В объятья наш очаг – сама
Смерть стиснула – без дров.

В санях с коровой под дугой,
Превозмогая страх,
С сестрой пустились в ад степной
Мы с мыслью – о дровах!

Был колок редкий за бугром,
Где снегу – невпролаз.
Его буран своим крылом
Закрыв от наших глаз.

Ревел буран – не продохнуть –
В агонии шальной.
«Палач ты, посланный нам путь!» –
Нам думалось с сестрой.

Не в силах дерево свалить
Потолще, помощней,
Березки тонкие рубить
Мы стали, молча, с ней.

Как старшей, ей – таскать к саням
Тяжелый груз лесин.
Но вдруг – о ужас! – вижу я:
Нет у сестренки сил!

Ушла по грудь она в снега,
В бессильности своей,
И слезы девичьи пурга
Смешала с потом ей.

Она под тяжестью стволов
Уткнула взгляд в меня.
От горя выть я был готов,
Беспомощность кляня.

Туман печали и теперь
Не снят с души моей...
Я, шестилетний, словно зверь,
Пополз на помощь к ней.

«Прошу тебя, не причитай,
Мы вытащим дрова,
Моя родная Апатай!» –
Кричал я ей слова.

Поймал сугроб меня в капкан:
Я хил был, как перо.
Но что мне был тот ураган –
Нам вывезти б добро!

И стал утаптывать я снег,
К саням торя ей путь,
Сказав (сопливый дровосек!):
«Дотащим как-нибудь!»

По одному стволы с трудом
На сани я грузил,
А по лицу сестры тайком
Соленый дождик лил.

Те слезы – радости поток,
Презревший боль и снег:
Малютка брат сестре помог,
Опорой став навек!

Перевод А. Курлени

ДВЕ ЛАСТОЧКИ

Праздник жизни волнует и радует,
Но огорчает, что мы не вместе.
С моим дорогим старшим братом,
Рано ушедшим, и его невестой.

...Вижу их рядом на солнечном снимке:
Плывут над землею, держась за руки.
Я ж поспешаю шагками за ними,
Наполняют все неземные звуки...

Но, к сожалению, приснилась небыль –
Добрый мираж далекого детства –
Брат с невестой мелькнули в небе,
Две милых ласточки моего сердца.

Перевод Г. Осиик

РУЧНАЯ МЕЛЬНИЦА

Устали руки, онемели –
Ручную мельницу кручу.
И воля медленно слабеет,
Вот-вот от боли закричу.

Хрустит зерно, и сердце поет,
Я подпеваю жерновам,
А камень стонет, стонет, стонет,
И бесконечно грустно нам.

Злюсь на судьбу, свое сиротство.
Отец так рано отошел.
Я злюсь на смерть, ее уродство.
И брат мой с фронта не пришел...

Стекает пот со лба на камень,
И на душе моей печаль,
А руки обжигает пламень,
Да так, что хочется кричать.

Вернулась с поля мать. Устала.
Соха потеряла ей подол.
- Сыночек, ты чего-то мало
Муки сегодня намолол.

Она меня не упрекает –
Она меня боготворит,
Целует в щеки и ласкает,
Всевышнего благодарит.

Сидим, отужинав, поем,
Пусть песню грусти, горьких слез,
И крутим мельницу вдвоем
Во имя жизни, полной грез.
Перевод Г. Осиик

ВОЛ, КОТОРЫЙ ПРИСНИЛСЯ МНЕ

Приснился вол военных лет,
Огромный тихий Великан.
И я, тогдашний малый, шкет...
А вол глядел, как истукан.

Я вспомнил Ногербека луг
И красоту и сочность трав.
Сегодня вол не тянет плуг,
И молодеет милый край.

Но почему приснился вдруг,
Когда уже я стар и сед,
Мой красношкурый добрый друг
Тех давних и военных лет?

Я помню, как тянул ты плуг,
Безропотно, не суетясь.
Шли женщины за кругом круг,
Печально пели... Им бы прясть.

Ты, уставая, не мычал,
Ты становился отдохнуть.
- Не троньте, - громко я кричал,
Когда взлетал над другом кнут.

А вечером, как на коне,
Я на тебе въезжал в аул.
И все завидовали мне,
А ты мычал и шею гнул.

А ночью я шептал ему:
- Ну, Великанчик, потерпи.
Мы выбирались за аул,
Озорничали по степи.

Все это было так давно,
Но память тех военных лет
Меня тревожит все равно,
Где ты все возишь, возишь хлеб.

Зерном наполнился комбайн,
Водила на вола кричит:
- Давай-ка шевелись, шайтан!
О, горе, - он в усы ворчит.

Невестка щелкает бичом,
Тебя торопит под зерно.
Но ты обиделся и почем
Не хочешь потянуть ярмо.

Приснился ты и всколыхнул
Воспоминания во мне.
Ты, словно время распахнул,
Как створки рамы на окне.

Промчалась мыслей череда,
Воспоминаний горечь, стон.

Как нас корежила беда,
Как обжигал войны огонь.

Но, все ж, я счастье испытал,
Когда катался на тебе.
И сердцем радостно пылал,
И слышал музыку в себе.

Твоя спина был мой приют,
Убежище от всяких бед.
Ты был мой друг и мой уют,
И с фронтом тысячи побед.

Устали мы за дни войны.
Я помню, как ты спину гнул.
И вот, счастливые вдвойне,
Мы в степь умчались за аул.

Я ненавижу злобу войн.
Мне по душе добро и песни.
Когда встречается мне вол,
Я глажу лоб его, как в детстве.

Перевод Г. Осиик

Я БЫЛ ОДНИМ ИЗ ТЕХ СИРОТ...

Забьется сердце и замрет,
Когда услышу о войне.
Я был одним из тех сирот,
Чьи сгнули отцы в огне.

Вот, кажется, войдет он в дом,
Надежда все еще теплится...
Я сам теперь уж стал отцом –
Как время быстро мчится!

Мне радостно и как-то грустно,
Когда дитя меня зовет,
Но что-то вдруг за дверью хрустнет:
– Чу! Не отец ли мой идет?

Перевод Д. Ауельбекова

К ПРИЕЗДУ ТВОЕМУ

И все к приезду твоему:
И – звонче солнца луч сверкнул,
И – приосанились просторы,
И даже выше стали горы,
И нацепило поднебесье
Медали – звезды,
Орден – месяц.
И – жаворонок сочиняет оду,
И – в честь твою,
И – в честь природы!
И распахнулась степь сейчас,
О, как пошли березы в пляс,
И серебрит Ишим волну –
И все к приезду твоему!

Перевод В. Шестерикова

МЕЧТАЮ

Лишь услышу я звон речной воды,
Так и чудится смех девичий твой.
Если я пою о звезде, то ты,
Ею кажешься, светлый ангел мой.

Шелестит листвою мне волшебник-сад,
Сладко дышит он, будто ты, мой свет.
Я в тревоге весь, сердце бьет набат:
Ты придешь ко мне или нет?

Перевод Д. Ауельбекова

АЖАР

Как звенят моей юности струны,
Отзовется на зов их Ажар?
И кого бы спросить мне, волнуясь:
«Где Ажар? Из аула Акжар»?
«Где Ажар? Нет, такую не знаем», —
Аксакал, помолчав, говорит...
- Где Ажар? Лебединая стая
Над Акжаром молчанье хранит.
Нет ответа более трудного...
Знает только души моей жар,
Почему до седины свою юность
Я на выдохе кличу: «Ажар!»

Перевод В. Шестерикова

БОГИНЯ

Ушла ты – и сумрачно, пусто в душе,
И кровь словно в венах застыла...
Осенние ночи длиннее уже,
А как коротки с тобой были!

Свое одиночество вмиг ощутив,
Не рад я и звездному небу,
Как будто затерян в бескрайней степи,
Где столько уж месяцев не был.

О, Боже, неужто влюбился всерьез?
Кремнем же был,
Стал – как из воска,
И сердца замок, что тоскою порос,
Открыла богиня – березка.

Да, ты – Божество,
Ты – богиня моя,
Твои неразгаданные чары...
И радостно чувства раскрыл я тебе,
Маджнун одинокий и старый.

Перевод А. Пряникова

НЕТ СИЛЬНЕЕ ЛЮБВИ

Ну поверь ты джигиту, любимая:
Нет сильнее любви!
Потому,
Если б стала однажды ты дымом —
Я бы в том задохнулся дыму.
Стала б солнцем в пустыне безбрежной,
Ниспадающим жарко с небес,
На своем Кулагере мятежном
Устремился бы птицей к тебе.
А была бы вином пьянящим,
Не дающим покоя и сна,
Я бы, хмелея, из фляжки звенящей
Пил медовый настой тот до дна.
Ну, а стала бы пламенем алым,
Ты прости, но хотел б я посметь —
В мотылька превратиться бы малого,
Чтобы в огне твоём жарком сгореть.

Перевод Л. Штанько

МОЯ МЕЧТА

Спеша за днями в предрассветном крае,
То, как тулпар, моя мечта летит.
И звездною дорогой пролетая,
И день, и ночь находится в пути.
То, словно сокол, крылья простирая,
Она меня с собой уносит вдаль,
Паля над степью без конца и края,
В себя вбирая радость и печаль.
А то вдруг, будто лебедь белоснежная,
Плывет и величава, и вольна.
И столько в ней любви к тебе и нежности,
Что верится мне — сбудется она!

Перевод Л. Штанько

ЛЕТО

Лето было хмельное, каленое,
Мир ковром многоцветным расцвел,
В белоствольную рощу зеленую
Жаркий полдень манил нас и вел.
А в лугах косарей зазывала,
Изумрудом налившись, трава...
Почему-то в ту пору казалось:
Будет вечно сиять синева,
И простор, голубой и бескрайний,
Юной песне внимать в вышине...
Но короткая зорька, сверкая,
Наши дни отсчитала в окне.
Лето было хмельное, зеленое,
Но туманная осень пришла,
Закучинилась дымка озерная,

Как у юности нашей душа.
Лебединая стая крылами
Отмеряет небесную даль,
Гаснет зорек осеннее пламя.
Оставляя на сердце печаль.
Не увидели мы, не заметили —
Невнимательный все же народ —
Как года сединой нас пометили,
И как времечко быстро идет!

Перевод Л. Штанько

ПИСЬМО ДРУГА (Ивану Васильевичу Борисову)

Мой друг!
...Из края мглы, светил незрячих,
Где делит мир полярный круг,
Я получил привет горячий —
Он от тебя, мой добрый друг!
И взором мысленным, с восторгом,
Окинул я страну твою —
Алмазный край народов гордых,
Избравших лучшую судьбу!
Вон из туманов белокудых
Пробиться тщится солнца луч,
С лицом, заснеженным и мудрым,
Летит кагор со снежных круч...
Целую, друг, тебя! И знаю —
С тобой вместе обнимаю
Твой край, легендами окутанный —
Огромный край друзей — якутов!
Из вьюг, буранов и метелей,
Из края северного племени,

Далеких гуннов, тюрков близких,
Сияний северных, искристых.
...Нет, не письмо! Нежданно, вдруг
Ты сам пришел ко мне, мой друг!
Перевод С. Овчарова

ЗВЕЗДЫ

Горите ярче, звезды дальние,
Не вздумайте погаснуть враз!
А как ослабнете, устанете, —
Отдам вам свет влюбленных глаз.

Любуйтесь вновь Землею нашей,
Степей нетленной красотой,
Мест не найду под Солнцем краше я
Планеты нашей голубой.

Тут вечность есть,
И жизнь есть брэнная,
Есть восхищаться чем и петь,
И вы, хотя бы на мгновение,
Не смейте, звезды, потускнеть!

Теплом сердца вы согреваете,
Им не даете охладеть,
Вы даже, звезды, и не знаете,
Как душу можете согреть!

Не уставайте, звезды дальние,
Сияйте над красой земной...
Я к вам приду через страдания,
Пока же — будьте надо мной!

Есть тут джигиты, что тулпарами
До вас стремятся доскакать,
И есть красавицы, что равных им
Во всей Вселенной не сыскать.

Горите же ярче, звезды дальние,
Не вздумайте погаснуть враз,
А коль ослабнете, устанете –
Отдам вам свет влюбленных глаз!

Перевод Ю. Полякова

ЕСТЬ ЕЩЕ В СЕРДЦЕ ОГОНЬ

Не могу сказать, что я молод,
Бурей-ветром проносит года.
Счастье юных дней, словно повод,
Сыну я своему передал.

Но порою красавица взглянет,
Засверкает, глазами маня,
Будто конь молодой заиграет,
Забушует в груди у меня.

Мне приятен тот миг прекрасный,
Душу радость томит и боль,
Грудь сгорает пламенем ясным,
Видно, есть еще в сердце огонь!

Перевод Л. Штанько

СТАРОСТЬ

Неужели дряхленькая старость
Тихо-тихо, но уже подкралась?
Отчего в душе моей мура?
Но, сцепивши безразъемно зубы,
Крикнул я, как собачонке: «Тубо!»,
И ко мне отчаянно вернулась
Вместе с Музой брошенная юность.
С Музой мы часами говорили,
Над полями допоздна парили.
Мне она сказала: «Слушай, друже,
Людам словом мы хорошим служим.
У поэтов старости собачьей
Не бывает. Так. И не иначе».

Перевод Ю. Полякова

ПОДСНЕЖНИКИ

Ах, жаль я подглядеть не смог,
Как, полный свежести и неги,
В степи проклюнулся росток
Из ледяных объятий снега.

И тот, наверное, глух и слеп,
Кто сердцем в нем не чует нежности.
Друзья мои, скорее в степь!
Пойдемте собирать подснежники!

Не так-то просто лед пробить,
И устремиться к солнцу вешнему.
Эгей! Спешите подарить
Любимым первые подснежники.

Перевод В. Шестерикова

ПЕСНЯ-ТАЛИСМАН (Певице Курманкиной Дамеш)

Песня – моя неизбывная страсть.
Нынче я думал: как в плен бы попасть
Мелодии чудной такой,
Над нашею Сары-Аркой,
И я воспарил. Ведь раньше она
Мой слух не ласкала. Ну, ну...
Меня поднимала до неба волна,
И был я у песни в хорошем плену.
От песни моя замирала душа,
По телу бежала веселая дрожь,
О, как же она была хороша!
Постой-ка и спой, никуда не спеша,
Божественно, чудно поешь!
Будь воля на то дана,
Заявляю на всю страну:
Я выбрал себе бы такой талисман,
Песенку только одну.

Перевод Ю. Полякова

О ЖЕНЩИНЕ

Всё в ней: высоких чувств безбрежность,
Полет мечты за облака,
Жар губ и острый ум, и нежность –
От струй грудного молока.

Сам грудью вскормленный для жизни,
Суровый гордый род мужской,
Равняет женщину с отчизной
И солнцем в бытности мирской.

Их верных жен, подруг любимых,
Батыры носят на руках,
Поэты муз неповторимых
Боготворят в своих стихах.

Без женщин дом – обитель скуки,
Приют, похожий на врага,
Лишь их заботливые руки
Тепло поддержат очага.

Они, как бог – добра мессии,
И в вековом теченье дней
Они – опора, крепость, сила
Всех наших родственных корней.

В них – свет и святость материнства.
И в нашем сердце и крови
Они – как символы единства
Надежды, веры и любви!

Перевод А. Курлени

ПУШКИНСКИЙ САД

Он здесь бродил под старыми дубами,
Стихи читая девам наизусть.
И я вступаю робкими стопами
В предел, что помнит пушкинскую грусть.

О, я на слог его не претендую,
Стихи читая женщине в тиши,
Средь старых статуй, твердо помятуя
О вечной жизни пушкинской души.

Звучат стихи. И царство Аполлона
Спокойно спит под шелестом листвы,
И сада чудодейственное лоно
С высокою поэзией на Вы.

И пушкинской пронизанный тоскою
По даме сердца, севшей на скамью,
Я мрамор статуй трогаю рукою
И песню сердца грустную пою.

Ах, как хотелось взять ее в объятья
И Пушкиным хоть на мгновенье стать,
И краешек коротенького платья
В порыве чувств ее поцеловать!

Она молчит, потупив очи долу,
В саду, где ноги гения прошли,
И видятся ей пышные подолы
Шикарных платьев Керн и Натали.

Летят слова мои к ветвистым кронам,
И в этом осязаемом раю
Я, словно Пушкин, в уголке укромном
Прекрасной даме сердце отдаю!

Перевод А. Курлени

ПЕРВАЯ КНИГА
(Т. Молдагалиеву)

Я примеривал лавры
В час счастливого мига.
Бейте, боги, в литавры:
Повод – первая книга!
Типографскою краской
Задыхались страницы,
И шагнул без опаски
Я в бомонды столицы.
Ресторан «Алатау»
В пору жаркого лета
Лил вино неустанно
В молодого поэта.
Улыбались швейцары,
Лебезил ресторатор, –
Всех за счет гонорара
Ублажал литератор.
И, почуяв поживу,
Завсегдатаи зала
Лезли льстиво и лживо
В душу провинциала.
Я был самым великим,
Поднабравшись изрядно,
И автографы в книге
Раздавал безоглядно.
Над романтиком пьяным
Потешались знакомцы,
И разбрасывал рьяно
Я рубли и червонцы.
Я с замашками Стеньки
Пировал в ресторанах,

Быстро кончились деньги.
У меня, как ни странно,
И утробу в столовке
Набивая котлетой,
Я увидел в сторонке
Пожилого поэта.
Хмурый, злой и голодный,
Был пропитан я ядом.
Жест его благородный
Сесть просил меня рядом.
Был я счастлив наградой
И подарком общенья,
Только горькою правдой
Классик бил без смущенья:
«Первый опыт – удачен,
Но не веруй блаженству,
Ведь поэту означен
Тяжкий путь к совершенству.
И второе, сердечный, –
Не такие гиганты
Бестолково, беспечно
Пропивали таланты.
И тебе не пристало
Быть паяцем убогим.
Слишком времени мало
Нам отпущено богом.
Поезжай из столицы
Ты в родные пределы:
Чище воздух провинций
И полезней для дела».
И, собравши пожитки,
Примостившись в вагоне,
Томик тоненький, жидкий

Я держал на ладони.
И мигали приветно
На путях семафоры,
И манили поэта
Дорогие просторы.
Годы быстро промчались,
Вышли новые книги.
Как был прав изначально
Мой учитель великий!

Перевод А. Курлени

ПРИЗНАНИЕ

Если я признаюсь, что поэт,
Вы меня осудите едва ли.
В истине моей изъяна нет:
Ангелы меня поцеловали.

Я пришел бороться с вечным злом,
Не гордец, не раб, не пустомеля,
В честности проверенным пером
И законом совести владея.

Смелости достанет у меня
Вызвать к бою ложные химеры,
Материнской грудью вскормлен я,
Верный сын любви, мечты и веры.

Я подставляю грудь свою ветрам,
Защищая правду и свободу,
И в стихах по совести воздам
Моему любимому народу.

На себя возьму его грехи,
Сердце до конца испепеляя.
Пусть горьки порой мои стихи, —
Я иду по жизни, не петляя.

И творя стихи из года в год,
Лишь тебе открыто доверяю,
Мой, прошедший тернии, народ,
Совесьть по которому сверяю!

Перевод А. Курлени

КАЖИ РЫСБАЙ

Вся округа знала Кажу,
Ясновидцем, почитателем предков,
Любимым рабом Аллаха он жил,
Посетил семикратно Мекку.
Языки он знал, коран читал,
На Руси его чтитло немало,
Услышав об этом, люд добрее стал,
И солнце сильней засияло.
Тогда пелена не крыла Луну,
Лица людей озаряла радость.
О божьем законе говорил — никому
Растолковывать было не надо.
Благоговейно Природа внимала ему,
Был он мудр полиглотно, глубоко,
Знания его приветствовал ум,
Все лучшее Запада и Востока.
Как сына его почитал народ,
Всегда он был на почетном месте.

Молил Аллаха, чтоб казахский народ
Не врозь жил, а вместе.
Племена караул, атыгай, уак
Жили б дружно, как братья.
И стар, и млад, а в сущности, всяк
Ценил святые объятия.
О, скольким он судьбу предрек!
Не минул талант Магжана:
«Ты будешь, юноша, духом высок
И на высоте постоянно.
Будет гордиться тобой народ,
Но не уверен, что будешь счастливым...
Черная туча на Степь грядет,
Разорительное ненастье».
И туча явилась, как Кажи сказал,
Закрылось солнце пылью,
Повернулась Земля. Что за гроза
Звучала над степью ковыльной!
Духи коварные разбрелись по степи,
Вечер смешался с утром.
Люди, небесной влаги попив,
Превратились в каракуртов.
...Надолго степь погрузилась во тьму,
Ночь оказалась и страшной, и длинной.
А ветер принес издалека молву:
Кровь пролилась невинных...

Перевод Ю. Полякова

ВОЗМЕЗДИЕ (Поэма)

(Гафу Каирбекову)

О, степь, оплачь с акыном Кулагера* :
Крылатого тулпара больше нет!
И нет убийству подлому примера
В Сары-Арке в течение сотен лет!

Акан-сере*, домброю и кобызом*
Стенанья соплеменников умножь,
Поведай, как в байге почетным призом
И славой завладела нынче ложь.

С какой поры в степи живет измена?
В каком роду на свет пришел палач?
И от дымов аула Ереймена
Кругами по степи исходит плач.

И словно чуя человечесьи раны,
И плач людей неся в своих ушах,
Не бьют копытом прыткие джейраны,
И волки притаились в камышах.

На стон похожи посвисты пичужьи,
И солнце застит тучи черный флаг,
Натужен и печален рев верблюжий,
И вглубь земли упрятался байбак.

* Кулагер – легендарный скакун, гордость казахов.

* Сере – народный певец-сказитель.

* Кобыз – смычковый музыкальный инструмент.

Скорбь обгоняет перекасти-поле,
Что гонит пыльный ветер полевой,
И вестники несут в аулы горе,
С конями слившись, в скачке верховой.

Пал славный чудо-конь в поре расцвета
Заложником в коварнейшей игре,
И слезы льет любимец Сырымбета
Прославленный акын Акан-сере.

Был Кулагер, как ветер в чистом поле, —
Крылатая жемчужина байги.
Рожден был для побед по божьей воле,
Не зная, что у славы есть враги!

Как восторгались степняки тулпаром,
От резвости его впадая в раж,
Но подлю был убит скакун шокпаром*,
И потирает руки Батыраш.

Его скакун достоин слов высоких.
Теперь ему — вся слава и почет!
А в ивняке ручьем из ран глубоких
Кровь Кулагера теплая течет.

Доволен Батыраш своей победой —
Ему достался главный приз байги,
Но проклинают, шля в молитвах беды,
Его, конеубийцу, степняки!

* Шокпар — дубина, оружие казахов.

Рыдает степь, как будто погребает
Кого-то из прославленных сынов:
Один в тысячелетие бывает
Такой скакун из тысяч скакунов!

Несется весть дурная по аулам,
И женщины заходятся в слезах,
А у батыров – желваки по скулам
И гнев презренья в пламенных глазах.

Не все Аллах в сердцах залечит раны,
И хоть летят в мирских заботах дни,
Но слезы льет душа сере Акана,
Залить не в силах скорбные огни.

Молчит его домбра под шаныраком,
И чай ему не в радость, и обед:
Душа сере, как ночь, покрыта мраком,
И в темноте не видится просвет!

Зато, залив до глаз нутро кумысом,
Лежит, от счастья пьяный, Батыраш,
Любуясь, как дитя, нечестным призом,
А все вокруг его лелеют блажь.

То поднесут ему кусок конины,
То до краев наполнят пиалу,
И он, справляя сердца именины,
Рукою сонной тянется к столу.

Козлобородый и кошачеусый,
Кумысом зажигательным сражен,
До щелочек глаза шакала сузив,
Он погрузился в крепкий сладкий сон.

СОН БАТЫРАША

Идет его табун – его отрада!
Но почему тревожен стук копыт:
Иль там аркан змеится конокрада,
Или вожак упитанный убит?

Нет, видно, цел вернулся из ночного
Его неподражаемый косяк!
- Жена, неси мне молока парного,
Пока не присосался молодняк!

У Батыраша слово – словно плетка:
С ведром метнулась бедная жена.
Она – его удачная находка,
Как бессловесный раб, ему верна!

Но что-то гложет суетное сердце,
Как будто за спиною лютый враг,
И, открывая юртовую дверцу,
Пронзает Батыраш глазами мрак.

И видит пред собою Кулагера,
Живого, смачно бьющего хвостом.
- Ты жив, тулпар!? – кричит отступник веры
(Убийца не отмолится потом!)

- Ведь ты же пал в подстроенной засаде,
Твой череп измочален в пух и прах.
Тщеславья моего убит ты ради,
И этому свидетель сам Аллах!

- Как видишь, нет, - сказал тулпар крылатый,
Я жив и буду здравствовать в веках,
А ты, убийца, враг людей заклятый,
Умрешь с несмытой кровью на руках!

* * *

От снов таких лишаются рассудка.
Крик Батыраша слышит весь аул,
И, испугав домашних не на шутку,
В ночную тьму безумно он нырнул.

Вокруг жилища обежав лисицей,
И не найдя убитого коня,
Он головою стал о землю биться,
Аллаха о прощении моля.

Но вновь ему в затылок кто-то дышит,
И, устремляя в темноту глаза,
Он явственно тулпара голос слышит:
- Убийцу покарают небеса!

Не ноги, – страх подкинул Батыраша,
И, отгоняя призрака рукой,
Рванул он в степь, сознание будоража
Картинами одна страшней другой.

То филин зычно ухает над ухом,
То под ноги бросается корсак.
Бежит убийца, движимый испугом,
И, оступившись, катится в овраг.

Избито в кровь распластанное тело,
Но к ярким звездам тянет руку он:
- Прости, Аллах, меня за злое дело!
И сделай так, чтоб это был лишь сон!

Я умираю в непотребном месте,
Как каблуком раздавленный слизняк.
Спаси меня, Всевышний, от возмездья.
Отдам во искупленье весь косяк!

В ответ сова ехидно рассмеялась,
Луна с презреньем скрылась в вышине,
А по ковыльной степи растекалась
Песнь пастуха в печальной тишине.

* * *

О Кулагере пел чабан – погибшем
Крылатом скакуне Сары-Арки,
И слышал мир, от жалости притихший,
Тулпара поднебесные шаги.

Летела песня, выси раздвигая,
Где дружно вторил звездный ей хорал,
И, в яме Батыраша настигая,
Вонзала в грудь возмездия кинжал.

Узнал в стихах палач сере Акана,
В степи казахской узнаваем слог!
А в нем незаживающая рана
Рождала слов презрения поток.

Безумный, опозоренный и злобный,
Грыз землю Батыраш кровавым ртом,
И неся в небо волчий вой утробный,
Рожденный в сердце песенным кнутом!

Не спать теперь спокойно Батырашу:
Степь не прощает подлости порок.
Есть на земле батырской чести стражи,
Как есть на небе справедливый бог!

Узка и коротка тропа убийцы,
Но людям жить в надежде и добре,
И Кулагер в народной песни мчится,
И неразличен с ним Акан-сере!

Перевод А. Курлени

РАНЕНЬИ БАТЫР

(поэма)

В голове – карусель.
Тошнота.
Даже стон,
Даже он ему
Стоит усилий.
Боль в руке,
И цветной
Нарастающий звон.
Тело – будто его
Десять танков месили –
Нестерпимо горит
От плечей и до пят.
И порой,
Сквозь видений галопы,
Ему кажется вдруг –
Он средь кашек
Распят,
Он к земле пригвожден.
А быть может,
Закопан?
Но в сознание
Реальности лучик
Вошел:
Небо... травы...
Качаются рядом...
Значит, жив я?
О, боже мой,
Как хорошо!
Мне от жизни
Иного не надо.

Только боль вот...
Наверно прострелена грудь?
Страх идет,
Позвонки, как ступени,
Считая.
Нет, проклятая смерть,
Обо мне позабудь, —
Не окончена мной
Эта битва святая!
Не за тем через беды
Я столько прошел,
Чтобы в травах
Некошених кануть.

Хорошо!
До чего же хорошо!
Я любить тебя, жизнь,
Не устану.
Мир чудесный,
Я пахарь твой,
Сын и певец,
Твой защитник
От злобного гунна.
Ты — опора моя,
Мой учитель, отец,
Лад моим подаривший
Отзывчивым струнам...

Среди поля лежит
Он на четверть живой,
Там, где пули,
Как шмели, гудели.
Он — солдат,
Но в большой этот
Мир голубой

Не пришел
В грубошерстной
Колочей шинели;
Не бряцал, крестоносцу подобно,
Мечом,
И затвором винтовки не шаркал.
...Вот он памятью видит
Аул свой и дом
И себя отдыхающим
В заплотдень жаркий.
Память дальше и дальше
Солдата ведет,
К Приишимскому ведет
Степному краю.
Только... где он лежит?
Что теперь его ждет?
И ни он,
И ни травы
Не знают.

Пулевой сумасшедший
Умолк пересвист,
Тянет дымом
И запахом крови.
Оглушенная взрывами,
Степь словно спит,
Вечер хмурит
Тротилом
Спаленные брови.
Тишина улеглась,
Как объевшийся зверь.
Чу!
Вдруг речи обрывки

Картавой.
Это значит,
В конец свой поверь
И прощально взглядишь
В это небо и травы.
Это значит – вовек
Не увидишь ты мать,
Это значит –
Прощай степь родная? –
И по ней на коне
Уже не скакать,
Запах дальних костров
И полыни
Вдыхая.
О, батыр,
Ты захватчиков
Много побил,
Ты в могилу их сотни отправил.
А теперь вот к земле
Враг тебя пригвоздил.
И понять это все –
Горше горькой отравы.
Бесприютное поле
Жестокой войны,
Не поднять меня в бой
Даже яростной мести.
Значит, плен, –
Как штыком,
Входит в сердце
Стальным.
Нет! Пусть смерть!
Но не это:
«Пропавший без вести».
Раздраконенной стаей

Некормленных псов,
Глаза из-под касок
Повыкатив тупо,
Награбить для дома
Тряпья и часов, –
Ублюдки фашистские
Шарят по трупам.
Совсем недалеко
Две чьи-то ноги
Отрублены взрывом
Вчера по колени:
С обрубков сдирает
Ландкнехт сапоги,
Все в хлопьях кровавой,
Запекшейся пены.
Другой – чью-то кисть поднимает с земли
На пальце с кольцом,
Окрасом под лунный.
- Дас ист майн ринг!¹ –
Грызню завели
В своре своей
За колечко кузгуны².
За шмайсера взяться
Готовы они,
Чтоб только
Досталась добыча.
Грабители мертвых,
Зверье, упыри,
В их жизни один

¹ Это мое кольцо /нем./

² Хищные птицы, стервятники /каз./

Поводырь – безразличье.
Я видел не раз
Их разнузданный пир,
Кровавое, страшное,
Дикое действо.
Ужели ж ты, мир,
Терпеливый мой
Мир,
Простишь им
Когда-нибудь
Это злодейство?!
Нет, нет,
Я не сдамся,
Пока я дышу,
Пока мои очи
Пронизаны светом.
Но где автомат?
Я свой путь завершу...
Ползет он, не зная
Однако при этом:
Его ППШ
В двух шагах в стороне,
Их сделать труднее,
Чем сто километров.
Последние силы...
Беспамятства снег
Ложится на веки
Повязкой из ветра.
А речь чужеземная
Рядом звучит,
Бойцов добываемых
Слышатся крики.
И, будто нагретая
В адской печи,

Злоба святая
Пронзила, как пика.
О, ненависть сердца!...
Но надо терпеть,
А значит, лежи,
Унимая дыханье.
Пусть враг посчитает:
Тут шастала
Смерть,
И этот у ней
Побывал на свиданьи.
А если тесак
Или выстрел навскид
Последнюю связь
С этой жизнью обрубит,
Ну, что же, умру
Без предсмертной тоски,
Жалея, что мало
Свинцом их голубил.
И все-таки нет,
Мне нельзя умереть,
Мне ненависть все отодвинула сроки.
Я должен еще отомстить им успеть
За павших друзей
Из аулов далеких.
Я должен и буду
Мстить, варвары, вам
От имени чести,
Свободы и жизни,
И будет то мщенье
Вам, лютым врагам, частицею мщенья
Любимой Отчизны.
И ненависть наша

Не просто слова,
А сила страны
Дорогой, стоязыкой.

На запад торопятся наши бойцы,
Своим языком
Говорят пулеметы.
Фашистские катятся
Вспять «храбрецы»,
Ничто не спасает –
Ни «тигры», ни ДОТы.
Расплата пришла!
Час священный настал!
Сметают «катюши»
Фашистскую нечисть.
Насильницы – ночи
Разбит пьедестал,
Страна распрямляет
Саднящие плечи.
А наш уцелевший
Чудом герой, –
Как будто его
Сохраняли заклятья, –
Опять повстречался с судьбой полковой,
К друзьям угодив
Из разлуки в объятья.
...Среди аксакалов
В ауле у нас
Он самый сегодня
Почтенный,
Он в праздник Победы
За светлый наш час
Поднимет свой тост

Непреренно.
В кругу побратимов-однополчан,
Когда он рассказ начинает,
И старьй, и мальй
С почтеньем молчат
И каждому слову
Внимают.
А он говорит
О путях, что прошел,
Боев эпопею
Листает.
И каждому кажется:
Вот он пришел
Только что с фронта,
Сидит, отдыхает.
Потом на негнущихся
Трудных ногах
Идет он домой
Предзакатной порою,
И занимается
В глазах
Лучистое завтра,
Добытое с боя.

Перевод Ю. Полякова

КАЗАХ И КАЗАК (Поэма)

Казак, люблю родной степи простор,
Не унижая суть лесов и гор.
К ней – матери народов – обращаю
В часы раздумий свой сыновий взор.

В любимом, богом данном мне краю,
Веду я родословную свою.
Питают душу мне земные соки,
Потомкам предков дух передаю.

Но по степным обычаям живя,
Законы высшей дружбы знаю я.
Степь – не одним казахам дом родимый,
Есть у нее другие сыновья.

Земле отцов отдав священный долг,
Я кое в чем, поверьте, знаю толк.
И голос человеческого братства
Усилился во мне, а не замолк.

Мы все в степи корнями сплетены,
Тамыры нами признанной страны.
Молясь порознь Иисусу иль Аллаху,
Мы по закону совести верны.

Земля Шортана – мудрая земля.
Народы здесь – единая семья.
Казачьи роды здесь пустили корни,
И многих поименно знаю я.

Сын Емельяна, Зенченко Иван.
Был зван за наш казахский дастархан,
Он родичам моим был кровным братом,
Носил ему подаренный шапан.

Он был бесстрашен, бравый удалец,
Как говорят, таким же был отец.
Он гнул, шутя, железные подковы
И девичьих кумиром был сердец.

Он и в работе спуску не давал,
И в яростной байге призы срывал.
Кто с Зенченко согласен был тягаться, –
Быть посрамленным в споре рисковал.

Он не транжирил по ветру слова
И был в своем хозяйстве голова.
Недаром в нашей пахотной округе
Идет о нем народная молва.

Земля Шортана – наш бесценный клад:
Трудись на ней, – и будешь ты богат,
Хозяйские нужны ей только руки,
Старанье и отеческий догляд.

Но правда жизни – грозный небосвод.
Не каждый сытым был аульный год:
Хлебнул немало горя и несчастья
В единоличной тяготе народ.

Аллах в своих руках незримо нес
Кому цветы, кому шипы от роз,

И проросло в подворьях бедных слово
С неведомым значением - «колхоз».

Гудел пчелиной тучей сельский сход.
И каждый затыкал друг другу рот,
Но крикнул кто-то, глотки усмиряя:
- Молчите, люди! Вон Иван идет!

Ивану что: он сам себе судья,
Бездельники трудяге не родня:
Дом и подворье - всем на загляденье
За крепкой вязью гибкого плетня.

Ходил Иван отнюдь не в кулаках:
Ни разу речь не шла о батраках,
Соленый пот изъел его рубахи,
И лопались мозоли на руках.

Смотрели все в Иваново лицо,
Когда входил он хмурый на крыльцо,
И все тесней вокруг его сжималось
Живое и гудящее кольцо.

— Иван, — в толпе послышался вопрос, —
Зачем тебе, хозяину, колхоз?
Ну ладно, голытьбе собраться в кучу!
Тебя зачем в коммуну бес понес?

В хлеву твоём пригрелся сытый скот,
И двор твой полон жаток и повод.
Неужто ты отдашь добро лентяям,
Что проматывают крепь твою за год?!

Сказав Иван, сорвав со лба картуз:
- Не всем по силам наш крестьянский груз,
И не лентяй глотает слезы горя.
Я думаю, что нужен нам союз.

В единстве наша сила, и когда
Мы будем вместе - не страшна беда.
В колхоз, оно, конечно, страшновато,
Но выше хлеба светлая мечта!

Пошел в толпе людской неровный гул:
Не видывал еще степной аул,
Чтоб крепкий и рачительный хозяин
С единоличной тропки повернул.

Ну, а Иван, орлиный вскинув взор,
Такой повел с народом разговор:
— По всей степи растут теперь колхозы.
В них для труда совместного простор.

Довольно закричали казаки,
Захлопали казахи-старикки:
Вот, люди, вам и новый председатель
Надежной и хозяйственной руки.

Оттаял от сомнения народ.
Бурлит, гудит людской водоворот.
Подума́ть только: в бедную округу
Надежда на спасение идет.

Стучали в ликовании сердца.
Кричали — Любо! — в адрес молодца.

Иван в улыбке робкой расплывался,
Сходя в народ с тесового крыльца.

Аул – отныне новый их колхоз.
А он в нем председатель и завхоз.
И дать ему название «Октябрь»
Собранию предложение он внес.

Шел юбилейный для Советов год,
Цвет кумачовый застил небосвод.
В честь месяца рожденья новой эры
Согласен был колхоз назвать народ.

А после эйфории, как всегда,
Сомненья приходили иногда:
Вдруг не случится долгожданный праздник
Большого коллективного труда?

Ведь каждый добывал себе кусок,
Ломая спину в тяготах, как мог.
Но все-таки была своею ноша,
И каждый отвечал за свой итог.

И все же, видя скорбное житье,
Ломали настроение свое:
Совместно горы с места сдвинуть можно,
Объединивши мускулов литье.

Тяжелой думой часто обуян,
Трудился над расчетами Иван:
Как увеличить вдвое поголовье
И выполнить по хлебу трудный план?

Работают за совесть, не за страх,
И множится уверенность в умах.
Но что покажет матушка-природа,
И милость ли пошлет земле Аллах?

В Шортане – не канадский чернозем,
И климат скачет бешеным конем.
Поди узнай, какое будет лето:
С палящим солнцем или же с дождем?

А пахарю – всегда один вопрос:
Взойдут ли в поле жито и овес?
А вдруг пойдут все по миру с сумою,
Полны печали и голодных слез?

Отсеяться – не значит всё пожать.
Крестьянину всего труднее ждать.
И нынче солнце – адовое пекло,
А не святая божья благодать.

Глядит Иван в колхозные поля:
Ковер зеленый выткала земля.
– Ах, кабы дождь, и будем с урожаем! –
Он думал, хмуро брови шевеля.

И поглядев украдкою окрест,
Он, коммунист, на тело кроет крест
И пахаря нехитрую молитву
Возносит до спасительных небес,

В его душе остался предков след,
Так делали его отец и дед.

И хоть давно Иван не ходит в церковь,
Молитва есть спасение от бед.

А в воздухе — владыка-суховей,
Нещадный и жестокий враг полей.
А хлеб вот-вот пойдет в молочный колос.
Ну, небо, слезы жалости пролей!

Иван боится взгляд свой показать:
Ну что еще артельщикам сказать?
Еще неделя — черным будет поле,
И нечего в снопы тогда вязать!

Но видно есть на этом свете бог.
Прохладный ветер тучи наволок,
И, отмываясь от прогорклой пыли,
Напился вволю каждый колосок.

Сплошным потоком льет с небес вода.
Исполнилась Иванова мечта.
И ветер треплет струи, словно струны,
Играя людям музыку труда.

Повысыпал на поле весь народ,
Ликует, веселится и поет.
Мальчишки все в грязи по щиколотку,
И над посевом клубный пар встает.

Счастливые, промокшие до пят,
Ожившие колхозники стоят
И то ли бога, то ли мать-природу
За щедрый дар небес благодарят.

Смеялся, как скаженный, агроном,
Дождем довольный, как счастливым сном.
И бил в свои трескучие литавры,
Горлан небес, могучий летний гром.

Нечасто над Шортаном шли дожди,
Но чтоб такой, – такого и не жди:
Прибьет слегка растресканную корку
И исчезает в солнечном пути.

И то сказать: дождь в поле прошумел,
Но всю округу так и не задел:
Как пыль была за крайнею межою,
Так солонца нетронутым был мел.

Как чудо, был тот щедрый летний дождь.
Его благодарил колхозный вождь
За то, что дал весомую надежду,
Вернув посевам их былую мощь.

Стоят хлеба – омытый изумруд.
Не пропадет теперь колхозный труд.
Теперь, пожалуй, два весомых плана
В дни жаркой жатвы люди соберут.

Наполнен силой колос золотой,
Спасенный поднебесною водой.
Кольшется у ног земное море,
Еще пока нетронута бедой.

Она, как вор, крадется на порог.
Неистребим в веках людской порок,

Особенно у сырых и голодных,
В отчаянной нужде познавших толк.

В дозор теперь выходят казаки
Стеречь от глаз голодных колоски.
Редуют ночью тучные посевы
От чьей-то, хлеба жаждущей, руки.

С таким трудом с земли вставала рожь.
Ни свой ее до времени – не трожь,
А чтоб чужой – неслыханное дело!
И бьет Ивана огненная дрожь.

Давно известно людям испокон,
Что порождает голод свой закон:
Кради добро, нажитое другими,
Когда приходит в сердце волчий гон!

Соседи, обделенные судьбой,
Затеяли с колхозом страшный бой.
Как саранча, влетают на посевы,
Бесстыдно урожай неся с собой.

А тут еще мужских нехватка рук,
И слышится дождей осенних стук,
И сыплется зерно с тугих колосьев.
А если урожай погибнет вдруг?

Не за горами зимняя пора.
Уж в поле помогает детвора.
Повыбились из сил мальцы и бабы.
Огарком бьется первое «Ура!»

Тяжелыми раздумьями томим,
Иван с улыбкой обращался к ним:
- Еще чуть-чуть, родные, потерпите,
И хлебушка мы вволю поедим!

Но, видя героический их труд,
Смурнел Иван: «Не выдержать им тут,
Спешить в совхоз соседний, видно, надо.
А вдруг комбайн невиданный дадут?»

Летел, как Кулагер, его рысак.
«О только б у друзей не впасть впросак!» –
Твердил Иван, коня хлестая плетью.
И луч из тучи вылез – добрый знак!

И вот еще вдали увидел он:
Идет по полю новенький «Фордзон»,
Последние полоски подбривая.
Иметь такое чудо есть резон!

«Ах, кабы вам такой комбайн в колхоз!
Тогда не страшен ветер, дождь, мороз.
Мы в две недели разом обернулись,
Держа по ветру свой счастливый нос!»

Комбайн он робко трогал за бока.
Мощь в этом звере, видно, велика,
Раз так легко управились соседи,
Свезя зерно до капли на тока.

В Америке таких – хоть пруд пруди,
А наше счастье, видно, впереди.

Всё больше серп, коса и лобогрейка
Пока у коммунизма на пути.

Баранку крутит важный инженер.
Ни дать, ни взять, что твой английский пэр!
С туманного он прислан Альбиона,
Чтоб показать колхозникам пример.

Ему лицо половой замело,
Но черный шлем надвинув на чело,
Кричит Ивану, кроя гул мотора,
Чуждое иностранное «Хэлло!»

Ударили соседи по рукам:
«Вот это помощь будет мужикам.
Теперь найдется добрая работа
И нашим застоявшимся токам!»

Решили, и пришел комбайн в срок.
Ах как им зверь невиданный помог:
Убрали жито всем на загляденье,
Подстригли ровно каждый стебелек!

Но кружит возле радости беда,
Она у счастья спутница всегда.
Зовут на заседание райкома
Героя полеводного труда.

- Как ты посмел себе комбайн привлечь?
Так секретарь с Иваном начал речь.
Да нынче, знаешь, за такие штучки
И головы лишиться можно с плеч!

У нас самоуправству – вечный бой.
И разберемся круто мы с тобой.
Ты, Зенченко, лишишься партбилета,
Счастливчик, избалованный судьбой!

Окалинами душу жгли слова,
Гудела в напряженье голова.
Спокоен внешне, выдержан и стоек,
Он сердца крик удерживал едва.

А секретарь на всю катушку рёк
Очередной для Зенченко упрёк:
- Все видят, что орлом ты воспарился,
Но крылья обожжешь, как мотылёк!

Обиду в сердце спрятал хлебобоб.
Он вел борьбу в степи за каждый сноп,
И вот теперь прилюдно распекает,
Как пацана, его партийный сноб.

Не ради грамот, премий, орденов
В поре горячей он лишался снов.
Он дал стране обещанных два плана,
А заслужил потоки горьких слов.

Гордился бы Иваном нынче дед.
Но что, если отнимут партбилет,
Ведь без него, как пламенного сердца,
Ему на этом свете жизни нет!

Скрипела бричка в грязной колее.
Иван домой спешил навеселе:

Хоть так унять порывы бури в сердце
И пораздвинуть тучи на челе.

Но вдруг увидел на бугре Иван
Какой-то непонятный караван:
Без лошадей цепочкой шли телеги.
И это не оптический обман!

Залез заместо сивок под хомут
Оборванный, голодный, грязный люд,
А на телегах – жалкие пожитки,
Какие даже воры не берут.

Шел впереди измученный казах
С пронзительным отчаяньем в глазах.
Иван давно такие видел лица
На старых почерневших образах.

– Куда идешь, – спросил Иван, – ака?
– Дорога наша, сын мой, далека.
Сорвал нас голод нынче из аула
И гонит от родного очага.

Кто мог идти, все встали под ярмо.
Нас гонит провидение само.
Все отнял у людей усатый Сталин,
Осколки мы политики его.

Накрыл аул наш небывалый мор.
Как пепелище, нынче каждый двор:
Повыкосила смерть людей косою,
Кремлевский исполняя приговор.

Идем мы в город, жители степи,
Чтоб там себе прибежище найти.
Кто середняк был, - обозвали баем
И растоптали походя в пути.

А если хочешь видеть зримо смерть,
То постарайся вовремя поспеть:
В глуши аульной там доходят люди
И их мулле вовеки не отпеть.

Пошел своей дорогой караван.
И плетью угостил коня Иван,
Помчался тот, раскачивая бричку,
И заблел в седой дали саман.

Стоят дома, но видимость не та:
Вокруг разруха, прах и пустота.
Аул-мертвец стоит перед глазами,
И бьет в лицо окошек чернота.

Казах на дверь не вешает замков,
Закон степи с извечности таков:
Открыты двери для любого гостя,
Пусть даже из становища врагов.

Иван притвор растресканный толкнул
И в черный зев вместилица шагнул,
И воздух умирающего дома
В казацкий нос с разгонашибанул.

Он рукавом прикрыл лица овал
И, осмотрясь, хозяина позвал.

И вдруг услышал под тряпьем лоскутным
Ребенок слабый голос подавал.

Открыл он ставень посеревший тѣс
И на руках ребенка прочь понес,
Но шевельнулись тряпки на кровати:
– Куда его? – послышался вопрос.

Иван опешил, но свинцовый лик
Из месива лоскутного возник.
За ним еще повысыпали лица,
И ужаснулся тут передовик.

Опухшие, отечные черты
Смотрели на него из темноты.
Семья Аллаху души отдавала,
Дойдя до окончательной черты.

Покорно ждя своей кончины час,
Смотрели на него гноища глаз.
Без пули и петли их убивали
Москва и голощекинский указ.

Все забрано в их доме до иглы
По вящей воле сталинской молвы.
Она несла казахам смерть в аулы
От царственной кремлевской головы.

С душевной болью слушал их Иван,
О том, как их фамильный взят казан,
Не говоря о лошадях и овцах.
Оставлен был им лишь степной бурьян.

– Оставь ребенка. Он уж - не жилец, —
Сказал в тупой смиренности отец.
Мы вместе все единою семьею
По воле неба примем свой конец.

Мы нажились на этом свете всласть.
Вот что дала Советская нам власть!
Ее слова расходятся с делами,
И ниже нашей доли нам не пасть.

– Нет, ты не прав, почтенный аксакал, —
Держа ребенка, Зенченко сказал. —
Есть в нашем мире и другая правда:
Не Сталин, Ленин путь нам указал.

И пусть сейчас идут лихие дни,
Но светят нам счастливые огни,
И надо жить, детишек поднимая,
Чтоб род отца продолжили они.

Вставайте! Умирать сейчас — не след.
Я принесу сейчас для вас обед:
Баранье мясо и буханка хлеба
Пусть хоть на время отвлекут от бед.

И чувствуя в груди сильнейший стук,
Он притащил им мясо, хлеб и лук,
И горсточку яиц, вареных всмятку,
Соленой брынзы потный полукруг.

И принесла дрожащая рука
Из брички потайного уголка

Забытое питье всего аула –
Початую бутылку молока!

– Давно не ели, – нечего спешить,
А мясо лучше мельче покрошить.
И вот сейчас еще чайку согреем.
Любой ценою, люди, надо жить!

Кипел его походный котелок,
Все пили чай, а Ваня приумолк:
В словах казаха правда обнажалась,
А правду принимать он сердцем мог!

– И ты, наверно, парень, коммунист?
А если так, то, значит, я не чист?
Я – председатель нового колхоза
«Октябрь» и знаю: путь его лучист!

– А я вот Кылышбаев Баймукан,
А это мой последыш-мальчуган.
Скажи, как жить нам, байскому отродью,
Не знающему слова «чистоган»?

У нас всего-то было два коня,
И не плодилась сотнями ягня.
Мы бесбармак по дням великим ели,
Но взяли всё Советы у меня!

Бледнел Иван, густой глотая чай.
Задел его хозяин невзначай,
Разбередил страдающую душу.
Теперь свое спокойствие - прощай!

– И ты меня послушай, Баймукан.
Идет по степи время-великан.
Есть в нем, скажу, хорошие задумки
И есть, с тобой согласен я, изъян.

Ты чуть с семьей, голодный, не погиб,
А уж витает слово - «перегиб».
Дай бог, и всё на свете обойдется, -
Сказал он под хозяйский скорбный всхлип.

Я завтра же пришлою сюда еды,
Чтоб миновать твоей семье беды,
Но и запомни ты завет Ивана:
Ответственен перед потомком ты!

Дай бог, чтоб лихолетие прошло,
И солнце благоденствия возшло.
Пускай его увидят ваши дети
Лихим напастям времени назло!

Отдал Иван овчинный свой тулуп,
И рысака тугой похлопав круг,
Сказал, садясь на бричку, Баймукану:
– Добро, запомни, правит миром, друг!

Исполнил слово данное Иван:
У Баймукана полный дастархан.
Авось, с Аллахом зиму скоротают, –
А там найдет призвание чабан!

Промчались годы быстрой чередой,
Военной омраченные бедой,
Воспетые целинной эпопеей,
И вот – Иван уже немолодой.

Светилами сияют ордена.
О Зенченко наслышана страна,
Но вот зовут в столицу телеграммой:
К добру ли, к худу прислана она?

Он так за годы долгие привык
К знакомому до боли слову «втык».
Ах, сколько шишек за крутой характер
Примерил на себя передовик!

Не за медали гнул он свой хребет,
Однажды дав земле отцов обет
Раскрыть степной целинной нивы тайну
И удивить богатым хлебом свет!

«Октябрь» его гремит на всю страну,
А вот вина вменяется ему:
Как дерзким был, так дерзким и остался,
Колхозник, покоровший целину.

В обкоме знали: Зенченко Иван
За словом никогда не лез в карман
И на трибунах резал правду-матку,
Развенчивая подлость и обман.

И вот – гранитно-мраморный дворец,
Партийного величия венец,
И у дубовой двери кабинета
Притих на стуле кожаном храбрец.

Стучат секунды в голове, как гром,
Отсчитывает время метроном.
Уж битый час сидит Иван в приемной,
А всё не зван в хоромы на прием.

Вдруг распахнулись двери в кабинет,
И на пороге встал джигит-брюнет,
Плечистый, коренастый, смуглолокий,
Кровь с молоком, усач цветущих лет.

– Вы Зенченко? – Иван в ответ кивнул,
А тот к нему уж руки протянул
И сгреб его охапкой богатырской,
И, как к отцу родимому, прильнул.

– Не узнаете крестного, отец?
Тут растерялся Зенченко вконец:
Так долго ждать большого нагоняя,
А получить слияние сердец!

– Признаться честно, нет, не узнаю.
– А вы, отец, спасли семью мою.
Ну, вспомните, в затерянном ауле,
Когда почти уж были мы в раю.

Я – Кылышбаев, Баймукана сын.
В шестидесятом прах его остыл,

Но я наказ отца навек запомнил:
Что доброту - священной жизни тыл.

Я рад, что нас судьба опять свела.
Наслышан я про добрые дела
Первопроходца Зенченко Ивана,
Чья слава, словно знамя, расцвела.

Кто щедр душой, тот истинный герой,
В несчастье защищающий горой
Обиженных злосчастною судьбою
И не сумевших встать со всеми в строй.

Как говорил отец мой, Баймукан:
Добро – лекарство от сердечных ран.
Твори его и станешь человеком.
Оно – глубинной совести экран!

За вас отец молился всякий раз,
Когда свершал положенный намаз,
Благодаренье в небо слал Аллаху
За то, что вы спасли нас в смертный час.

Несу отцовский в сердце я завет,
Передавая вам большой привет
От нашего разросшегося корня:
Живите, дорогой, до сотни лет!

Стоял Иван в объятьях молодца
И узнавал в его чертах отца.
Спас Баймукан единственного сына!
И слезы тихо капали с лица.

Нет, жизнь не зря на свете прожита,
Коль торжествует в мире доброта.
Какую цену сердцем жизни платишь,
Так и горит душевная звезда!

И у Ивана сын всего один,
Зато какой: наследный господин
Всей святости отцовской и закваски,
Потомственный казак-простолюдин.

Геннадий степь прочувствовал нутром.
Она ему – второй отцовский дом,
И имя со значеньем «благородный»
Сын отработал собственным хребтом.

Он мог бы за отцовскою спиной
Все обойти преграды стороной,
Но не такого Зенченко уклада,
Чтоб прошагать ведомым путь земной.

Он начал, как отец, почти с нуля,
В безрадостных людей задор вселя,
И снова тайну щедрости открыла
Для цепкого хозяина земля.

Пошел потомку безусловно впрок
Отцовский незатейливый урок:
Трудись с утра до ночи в чистом поле,
И будет на столе твоём пирог!

«Как на святого, на отца молось, –
Сказал Геннадий, пряча в сердце грусть. –

Ушел такой знаток земли целинной!
Я за его умом не угонюсь».

Но, говорят, что скромность – не порок.
Свой славный след в степи оставить смог
Потомок земледельческого рода,
Еще пустив на дереве росток.

И сын есть у Геннадия, и внук.
И снова замкнут их фамильный круг.
В честь прадеда зовут мальшца Иваном,
И малый знает, что такое плуг.

Сын Емельяна свой нашел покой,
Но неспокоен Зенченко другой:
Он спас от верной гибели хозяйство
Характером и твердою рукой.

Стоит Новоникольское село
Всем переменам времени назло,
И льются песни под лады баяна,
И льется в элеваторы зерно.

Попав с людьми в большой водоворот,
Не бросил подло Зенченко народ,
Пусть по-другому, всё же будем вместе –
Решил Геннадий в переломный год.

Совхоза нет, но здравствует село,
И время бурь в ничто не унесло
Ни клуб, ни школу, ни тока, ни фермы,
Ни технику, а ведь вполне могло!

Дают поля отличный урожай.
По улицам хоть в «Мерсе» разъезжай:
Уют и чистота в селе, как прежде,
И жизнь такая - лучше не мешай.

И славится уже который год
Мечта других - его конезавод.
Английских рысаков чистейшей крови
Стране хозяйство Зенченко дает.

И крест подставив всем степным ветрам,
Вознесся к небу православный храм.
Геннадий знает: жить нельзя без веры,
И льется звон над степью по утрам!

И выпуская песню на простор,
Поет в родной степи казачий хор,
И вторят домбры русскому баяну,
Гостей сзывая в праздники во двор.

Для Зенченко вершин не взятых нет,
Его хозяйство знает белый свет.
Не каждого в доверенные лица
На выборах наметит Президент.

И если президентский самолет
В воздушные ворота к нам войдет,
То посетить отменное хозяйство
Глава страны опять не преминет.

Они давно знакомы и дружны,
Два сына независимой страны,

Один – казах, другой – казак по крови,
И оба степи-матери верны.

Им есть о чем в полях поговорить:
Им в будущее тракт стране торить,
И пусть на разных уровнях, конечно,
Народу своему добро творить!

«Добро – мерило всех земных начал» –
Еще Иван когда-то замечал.
Чтит заповедь отцовскую Геннадий,
И лучшей он на свете не встречал.

И знаю я, в степи закон таков
И у казахов, и у казаков:
Когда с добром идешь навстречу людям,
Тогда не страшен даже гнев богов!

Перевод А. Курлени

СКАЗ О БЕРКУТЕ

(поэма)

Когда в томаге ты, и трут сухожилия путы, –
Ты раб подневольный, охотником взятый на дело.
Как ждал гордый беркут отчаянной этой минуты –
Взметнуть к облакам оскорбленное пытками тело.

Лишь шоры упали с очей, засверкавших при свете,
И ноги почуяли слабость удавки проклятой,
Прорезал он синее небо, подобно ракете,
В зенит уходя над простором степи необъятной.

Он к солнцу свечой поднимался с земными парами,
То, крылья сложив, обрывался в воздушные ямы,
То грудью широкой сшибался с шальными ветрами,
То вольно парил, непокорный, железный, упрямый.

И к яркому свету немного уже пообвыкший,
На пике высотном готовый к привычной атаке,
Увидел бы беркут волчицу, притихшую мышью,
Узрел бы агонию в жалком от страха корсаке.

Но степь с высоты прожигая пронзительным взглядом,
Презрел он огнистую шубу матерой лисицы:
Нет нынче хозяина милого рядом,
И беркут не будет добычу нести для убийцы!

Когда-то хозяин был беркуту братом и другом,
Но в спину убил его подлый ничтожный завистник
За то, что жила легендарная слава в округе
О чудо-добытчике шкур огнепалевых лисьих.

Обманом и подлостью взял себе новый сокольник,
Убив предыдущего, гордую сильную птицу.
Но тешил себя понапрасну удачей охотник:
Злопамятный беркут теперь ненавидит убийцу!

Не слышит с небес осиянных он зычного зова,
Не хочет слететь на постылую страшную руку,
Терзавшую птицу в порыве отчаянья злого,
Когда приручал, обрекая страдальца на муку.

Запомнила птица и голод, и кнут сыромятный,
И тесную клетку – тюремный венец оскорбленья,
И то, как сломался он, волей жестокой подмятый
Того человека, припрятав в душе озлобленье.

Но пуще всего он запомнил ружейную дымку
И гулкое эхо в степи, всполошившее зверя,
И то, как хозяин упал с ним, убитый, в обнимку,
И кровь обагрила его золотистые перья.

Все выше взбирается беркут в зенит по спирали,
И гордое сердце поет поднебесную песню.
Свободу и дружбу у беркута подлю украли,
Но он возвратит унижение карающей мезтью.

На ветер оперся он крыльев раскинутых мощью,
И выбрав мишень не прощающим снайперским взглядом,
И телом своим разрывая воздушную толщу,
Пошел на добычу сверкающим в небе снарядом.

Почуяв неладное, свистнув нагайкой по крупу
И стремя вонзив застоялой кобыле в подбрюшье,

Помчался охотник в лес рысью спасительной крупной,
Нутром ощущая сдавившее горло удушье.

К опушке летел он стрелой, воровски озираясь,
А следом возмездие ветра быстрее летело,
И когти стальные сквозь вату чапана вонзались
Кинжалами смерти в дрожащее потное тело.

Сорвал его беркут с кобыльего мыльного крупа,
Терзал на земле, расклевавши до мозга глазницы,
А после сидел на останках кровавого трупа
И степь озирал со спокойствием царственной птицы.

Перевод А. Курлени

БЕЛЫЙ ДОМ АБЫЛАЯ

(поэма)

Говоришь: «Белый дом Абылая...

Вид его не по сердцу теперь?

Был когда-то красою он края,

Кызылжара короной, поверь!»

Гафу Каирбеков

Белый дом Абылая, ты – гордость казахской орды.
От тебя начиналась дорога великой мечты
О единстве народа, священной свободе его.
Наше место святое, исток очищения ты.

Много разных легенд и сказаний сложили о нем.
О тебе мы акынов крылатые песни поем.
Белый цвет твой, как символ земной чистоты,
Родниковая истина, светлой души оком.

Вечным словом Корана от скверны ты был освящен,
Кодекс чести степной был в основу твою помещен,
Твой очаг грел озябшие души в лихие года,
Слабый духом под ханскою крышею был защищен.

А батырам ты памятью был о величье побед,
Оберегом от грозных нашествий, напастей и бед.
В белом облике дома светилась величием степь,
Та, которой священной для гордых кочевников нет.

В Абылаевом доме свое отраженье нашли
Пики гор белоснежных, озер зеркала, ковыли,

Украшенье джайляу, расставленных юрт купола
И бока скакунов-аргамаков казахской земли.

И на белое знамя, что сам водрузил Абылай,
Белой завистью зорко глядел очарованный край,
Где батыры с победными кличами гнали врага,
Разметая по степи останки непрощеных стай.

И победный звучал над ишимскими водами марш,
И от гордости цвел Кызылжар возликованный наш.
Грохотал барабан и звенели домбра и кобыз,
И в батырских глазах Туркестана маячил мираж.

Ликовали сердца и купались в ветру бунчуки,
Серебристые юрты раскрыли свои тундуки*,
И рекой разливанною пенистый лился кумыс,
И в байге состязались джигиты и их рысаки.

Раздавался молодухек звонкий забористый смех,
И на юртах искрился под солнышком войлочный верх.
Мир братался с покоем и радостью в Сары-Арке,
Ублажая богатым застольем кочевников всех.

Благоденствует Средний, истерзанный войнами, жуз,
Скакуны табунятся на самый изысканный вкус.
Рад народ, навидавшийся крови, мучений и бед.
Абылай утирает довольно засаленный ус.

Белый дом Абылая – свидетель кочевничьих грез.
Он историю края потомкам батыров донес,

* Тундук - открывающаяся верхняя часть свода юрты

Как хозяином стал на родимых просторах казах,
Нахлебавшийся горько-соленых, как в озере, слез.

Распахни же все окна, порадуйся солнцу, орда.
Торжествующий кюй, не смолкай для людей никогда.
Чтобы отзвук его, словно эхо, взрывался в груди
И над ханскою ставкой сияла бы счастья звезда.

Плачет, гордый от счастья, познавший свободу, степняк.
Эти слезы оправданы, их не оспорить никак.
Ведь прошли времена, что дарили страданья и боль
Тем, кто встал, наконец, под единства и верности флаг.

Были годы отчаянья, в сердце летела стрела,
И на землю казахов печаль вековая легла.
Как без радости жить? Все равно, что со смертью дружить,
Но печаль вековая отныне из сердца ушла.

Обращаюсь я к предкам, пронесшим сквозь годы печаль,
Яд страданий испивших, познавших булатную сталь,
На конях вы состарились, теща надеждой себя,
Что светла для кочевников жизни грядущая даль.

Вы, с копьём засыпая, ушами врага стерегли,
Долг сердец отдавая просторам родимой земли.
Пусть ни тени сомненья потомок в себе не несет,
Что великой ценою вы корни его сберегли.

Белый дом Абылая – порука тому и урок,
Как казах убережет свою честь в испытаниях смог.
Свет ее очищает поющую душу мою,
Распускает до гордого пламени сердца цветок.

Не иссякнет моя благодарность к моим землякам,
Что урок преподали жестоким к казахам векам.
Кровь моя закипает от гордости, реет душа,
Будто снова родившись, иду с благодарностью к вам.

Нам от предков досталась любимая нами земля –
Мера совести нашей, святая обитель моя.
Сберегая в себе достояние предков и долг,
Преклоняю колени у дома заветного я.

Как сберечь достоянье, что дал нам в наследство Аллах?
Непорочная мудрость нужна нам на честных устах.
Слуг – и силу, и волю – должны мы на помощь привлечь,
Чтоб достойными быть наших предков в насущных делах.

– Гордым будь! – говорил в назиданье стареющий дед.
Помню эти слова по прошествии множества лет.
Наставление чаду, седой, завещаньем храню.
Силы веского слова мужчины я знаю секрет!

Этим словом гордился мой строгий отеческий дом.
Свято чтили народную заповедь мужества в нем.
И с него начиналась напутствия юношам речь,
Если вдруг загоралась зарница военным огнем.

Шел казах, окрыленный наказом сородичей в бой,
Нашу общую землю, как щит, заслоня собой.
Сколько славных голов в ратных сечах тогда полегло!
Помним все имена, о героях вам скажет любой.

Но захватчиком не был отважный казах никогда,
И кровавого он не оставил соседям следа:

Он не жег городов, не топтал колоссящихся нив,
Не нанес, ослепленный враждою, народам вреда.

Он не брал разоренных набегами жителей в плен.
Их очаг он не трогал, унизив людей до колен.
Белый дом Абылая – немеркнущей правды истец.
Он залог нашей чести в чреде вековых перемен.

О добре и терпимости нашей казахской души,
Белый дом Абылая, потомкам батыров скажи.
Честь и суры Корана для всех поколений – закон
В городах многолюдных и сельской забытой глуши.

Наши предки тернистый и трудный проделали путь
И не били себя за закон добродетели в грудь.
Благородством казахов, основанным верой, горжусь,
Зная жизни своих земляков подноготную суть.

Белый дом Абылая, все ведомо это тебе.
Не по слухам ты знаешь о горькой народной судьбе.
Пахнет гарью и кровью степного отечества дерн,
Под которым останки покоятся павших в борьбе.

Сколько судеб трагических, сколько могильных холмов!
И надежд похороненных, слезных молитвенных слов!
Вы молчите курганы, но страшная правда кричит,
Потрясая мораль поколений – основу основ!

Белый дом Абылая, ты – летопись грозных страниц.
Перед правдой твоею, раздавленный, падаю ниц.
Но стоит перед ханским порогом седой Кызылжар,
Строго глядя в глаза обороченным в прошлое лиц.

Я сравню тебя с Солнцем, что тьму разгоняет с очей,
И с зарею, что маску срывает с коварных ночей,
Со свечою, с которой спускаемся мы в лабиринт,
С блеском огненным стали дамасской мечей.

Белый дом Абылая, ты не был по виду дворцом,
И к построенной крепости ты притулился торцом.
Скромно окна глядели на тихий спокойный Ишим,
Но врагов устрашением был белый бревенчатый дом.

Ты стоял на крутом, пропыленном ветрами, яру,
Как оплот единенью, решимости, чести, добру.
И с опаской глядели на белые стены враги,
Слыша песню батыров в тревожной ночи под домбру.

С восхищеньем и страстью смотрел я на белый остов,
Как когда-то лихие батыры, на подвиг готов.
Он величьем манил, обветшавший от времени, дом –
Гордость предков моих, седовласых почтенных дедов.

Но не знал я совсем, что горюют мои старики:
Гордость их обкорнали, как крылья орла, языки:
– Тут не жил Абылай. Этот дом – для служилых дворян,
Под квартиру им сданный велением царской руки.

Знатоки от истории прошлых советских времен!
Как же был я суждён до искренних слез оскорблен!
Разве может солгать досточтимый и славный Сабит*,
Что для ханского трона и ставки был дом возведен?

* Сабит – Сабит Муканов

Но смеялся в лицо мне партийный напыщенный гид:
Он писатель, пойми, твой хваленый, маститый Сабит!
Абылай, как степняк, был врагом иноверцу-царю:
Здесь ведь русская крепость постом пограничным стоит.

Как такое осилить? И мой каменеет язык:
Возражать напрямую я в те времена не привык.
Тот, кто помнит истории ход, тот, наверно, поймет:
Слово против партийного мнения? Втык!!!

Что ж выходит? Отринь Абылая навеки, казах,
Отрекись от надежды, но с неба ведь смотрит Аллах!
Белый дом Абылая, прости мне невинный позор:
Страх смертельнее пули, советский затравленный страх!

Нам вещали с трибун: Абылай – это призрачный миф,
Не был ханом совсем растворенный во времени скиф,
И казахской орды на ишимских крутых берегах
Не бывало, и слух о содружестве с русскими лжив!

Снова в ночь превращали подаренный предками день.
На лицо нашей дружбы легла непроглядная тень.
Белый дом Абылая, прости заблужденье умов:
Их рассудка лишил громобойный партийный кистень.

Но, что слову нельзя, то доделает тайная мысль.
Наши чувства к бессмертному дому неслись
Сквозь запреты и крики, и тяжкий трибунный кулак.
Мы молились ему, обращаясь за помощью ввысь.

Кровь кипела от гнева и тяжести горьких обид.
-А-бы-ла-й! – я кричал, подавляя позор свой и стыд,

Но не слышало эхо задушенный, сдавленный крик:
Ледяною водою был пыл благородный залит.

Так в манкурта-раба превращала судьбина меня.
Кем в глазах Абылая мог быть, не воюющий, я –
Не предатель, не вор, но покорно молчащий поэт?
И, как гром, были совести крики среди ясного дня.

- У народа, подобного смирной, послушной овце,
Нет истории, – кто-то сказал на знакомом крыльце.
Ханский дом содрогнулся, ссутулился, скрипнул, осел,
И пощечина будто в моем зазвенела лице.

Яд цинизма, откуда в людские проник ты тела?
По которой дороге покорность судьбе повела?
Где же правды источник, засыпанный напрочь песком
Лжи, что честное слово лавиною мутной смела?

Белый дом Абылая, я каюсь в молчанье своем,
А чего оно стоит, мы ведаем только вдвоем.
Виноват я, как все, кто пером не пустился в протест.
Малодушье мое, как стрела на простенке твоем!

Но не может молчать в бесконечном покорстве народ.
Наступил долгожданной свободы стремительный год,
Развенчавший и ложь, и напыщенность важных чинов,
И у белого ханского знамени правда встает.

Нервы сжаты в комок. Я – пружина, сломавшая пресс.
Голос мой пробужденный имеет значенье и вес.
Просыпаюсь от спячки, истерзанный чувством вины.
Белый дом Абылая, ты в страхе моем не исчез!

Все сложу по крупицам, что ветер веков распылил.
Белый дом Абылая, не дам я тебя на распыл.
Сохраню для потомков я предков священный завет.
Белый дом Абылая, отныне и фронт ты, и тыл!

Защищая тебя, дружбу русских с казахами я защищу.
И отныне в святыню души никого не впусчу,
Кто б посмел нас поссорить у старых обиженных стен.
Нахлебавшийся боли, я лишь о прошедшем грущу.

Пусть историки спорят и роют столетий архив,
У поэта открыть сокровенное веский мотив:
Правду людям вернуть от молчавшимся в страхе пером
И потомкам отдать воскрешенного чувства прилив.

Перевод А. Курлени

РОЖДЕНИЕ ПЕВЦА

Как прекрасны вы, степи,
Возле гор тех Кокшетауских,
Возле озера Коскуля,
Где трава весной, как бархат,
Где животным, птицам, людям
Жить привольно и раздольно.
В том во озере Коскуле
Камыши шумят игриво,
Водится там много рыбы...
Много... Всю и не поймаешь.

Здесь давным-давно когда-то
Кочевал аул казахов,
Бедных, средних и богатых.
Но народ был очень дружный.
За аул горой стояли
Все батыры тех казахов
И в сраженьях отогнали
За далекий серый Камень
Всех врагов, чтоб край свой знали
И в чужом не воевали.

В том ауле жил спокойно
Старый Корамса с женою
В неособенном достатке,
И Аллахом был обижен:
У соседей было много
Деток малых, средних, взрослых,
Но а Корамсе бог не дал,
Очень долго не бывало.
Наконец, родился мальчик,
Но без речи и без слуха.

Звали мальчика Акжигитом,
Акан Сере, что значит.
Рыцарь всей степи казахской,
Музыкант, певец, наездник,
Но не молвил он ни слова,
Ни звука он не слышал.
И родители жалели,
Что Аллаха прогневили,
Что не дал он счастья сыну,
А другим – всего с лихвою.

Мальчик рос и был послушен
И умом, сноровкой, силой
Одарен был от природы.
Понимать родных и близких,
И соседей, и мальчишек,
Что росли в родном ауле,
Он по знакам научился,
Все «рассказывал» руками;
Научился удить рыбу
И к реке он пристрастился.

Но родители молили
Трижды в день Аллаха-бога,
Чтоб послал их сыну счастье:
Слух чтоб – лучше, чем у утки;
А язык – что звон набата,
И Аллах, мольбам их внемля,
Оказал большое благо:
Он дал весть, что будет свято
Все, о чем они молили,
Но исполнит все не скоро.

Уж прошло с тех пор семь весен,
И семь зим, семь лет. Вот осень,
Но Акан все также удит
Рыбу в озере Коскуле.
Солнце также все сияет,
Лебеди плывут по плесу,
В небе жаворонок вьется,
Но не видно изменений
В жизни бедного мальчишки.
Все вокруг поет, ликует,
Радуетя свету солнца,
Даже рыбки золотые
Иногда из волн сверкают,
И гуськом плывут гусята
Вслед за матерью в осоку,
Раскрывают рты, как будто
Спешно что-то тут же скажут, —
Ничего Акан не слышит,
Мир живой не разгадает.

И, собрав дневной улов свой:
Чабачков, леньков и щучек,
Что случайно заблудились
В озеро через старицы
В половодье весною,
Он направился в аул свой,
Да позвал еще Барбоску,
Друга верного, прямого,
Что бессменно ежедневно
С ним ходил на ловлю рыбы.

Но однажды, ранним утром,
Только солнце засияло,

Удочку свою закинув,
Сел Акан на берег тихо.
Поплавок вода колышет:
Видно, кто-то потихоньку
Клев свой начинает снизу.
Мальчик дернул удилище –
И на воду всплыло чудо:
Преогромнейшая Жаба!

Жаба вдруг «заговорила»,
Зазевала ртом так часто,
Как зевали те гусята,
Что днем плавали по плесу,
И так сильно закричала,
Что мальчишка испугался,
Он всем телом содрогнулся,
В горле комом что-то сжалось,
И он закричал так громко,
Что и сам себя услышал.

Бросил удилище мальчик
И пустился в бег к аулу
С криком ужаса (не помнил
Он себя: так страшно было...).
Громко квакала та Жаба,
Звери, птицы всполошились...
Крик Акана заглушал всех
(Крик его ему казался
В собственных ушах набатом,
И дыханье захватило).

Мир наполнился весь шумом,
Криком, громовым раскатом,

В громе полилась вдруг песня,
Песня жизни, песня счастья,
И от радости и страха
Зарыдал бедняга-мальчик.
Слезы радости омыли
Душу бедного страдальца,
И он сам переменялся:
Счастливым стал и веселым.

И запел Акан от счастья:
«Так пуцу же я по свету
Тысячу чудесных песен!
И наполню мир огромный
Радостью и ликованием!»
Волны озера и птицы
Тоже пели эту песню.
Вот запел он песню громче,
Голос рос его, как волны,
Песнь лилась в степи широкой.

Вся природа в удивленьи
Песню слушала Акана.
Степь, и небеса, и птицы
Песню радостью встречали,
Восхищенно восклицали:
«Ни одно еще творенье
Здесь не пело песнь такую!»
Песня мальчика парила
В небесах огромной птицей
И лилась все дальше, дальше.

И весь мир, объятый песней,
Приутих и улыбнулся,

Ветерок умолк, и птицы
В рощах тоже замолчали.
Волны Коскуля лихие
Бег свой приостановили.
Ну а песнь волной широкой
То взвивалась к поднебесью,
То лилася по бескрайней
И родной степной долине.

И все люди из аула
Разом хлынули к Коскулю:
Кто на скакуне летел, кто
Пеший мчался с криком: «Мальчик!
Что с тобою наш любимец?»
Пыль стеною за народом
Поднялась и все закрыла:
Пеших, конных и скакавших
В малахаях на верблюдах,
Крики тоже удалились.

Песня юноши парила,
Заглушала шум и крики,
И коней ретивых топот,
И мычание верблюдов.
И навстречу песне сына,
Еле ноги подвигая,
Радостный Корамса стремился
Со супругою своею,
Протянувши руки к небу,
С радостью молил Аллаха.

Первым доскакал Жылгара,
Вождь, певец степи казахской,

Крепко обнял он Акана
И, поцеловавши жарко,
Подарил домбру Акану,
Сладкозвучную подругу,
Что добыла ему славу
Среди всех племен казахских,
От Урала до Алтая!

И народ прихлынул морем.
Средь народа, ковыляя,
На ногах, больных и старых,
Прибежал и Корамса тут
Со старухою своею,
Обливаясь слезами.
Мать с отцом его обняли,
Плакали и целовали
И Аллаху тут воздали
Должную молитву оба.

Жылгара при всем народе
Наставленье дал Акану:
«Вот тебе домбра в подарок,
Песни пой, играй искусно,
Хоршо играй, на славу,
Чтоб народ наш веселился,
Позабыл он все невзгоды
И прославил бы акына
Молодого, с новой песней,
Песней звонкой и свободной».

Все затем пошли гурьбою,
С песней звучной и отрадной,
Прямо в свой аул, как должно,

И Акана поздравляли
С песней новой и могучей,
И с домброю сладкозвучной,
Что теперь с ним неразлучно
Будет славить мир прекрасный,
Жизнь народа трудового,
Что живет в степи безбрежной.

А затем прошло лет десять,
И мальчишка стал уж взрослым,
Смелым, сильным, быстрым, ловким,
Молодцом, бойцом, джигитом!
Он на быстром аргамаче
Облетел вокруг все степи,
Горы, реки и долины
В песнях славил мир огромный,
И народ казахский с лаской
Говорил: «Акан наш славный!»

Перевод В. Арсеньева

СОДЕРЖАНИЕ

Сын степей Муталлап.....	3
Я заглянул за горизонт.....	8
Обращение к Аллаху.....	8
Сын степи.....	10
Матери.....	10
Сокол.....	12
Асау.....	13
Кокпар.....	14
Песнь Абаю.....	15
Песня Акана.....	16
Я не родился бы поэтом.....	17
Скала мудрости.....	18
Светлый путь.....	18
Чтоб степь убережешь от врагов.....	19
Пушкин читает Коран.....	20
Я живу на улице Магжана.....	21
Солнце на аркане.....	22
Чуфут.....	23
Ласточкино гнездо.....	24
Борибай.....	25
Правда.....	29
Ты у нас особенный.....	30
Рождение стиха.....	31
Кто ты – лебедь в синем небе.....	31
Зажглась звезда твоих потомков.....	32
Благодарность.....	33
Ты души поэта господин.....	35
Друзья и враги.....	36
Памятный камень.....	37

Петергоф.....	37
Предел.....	38
Былое.....	39
И да поможет мне Аллах.....	40
Черная зависть.....	40
Елтинжал.....	41
Дорога.....	42
Страх.....	43
Молния.....	44
Вихрь.....	44
Восьмистишия.....	45
Встреча Рейном.....	47
Памятник Вильгельму 1.....	48
Тоска по родному аулу.....	50
Карагаш.....	51
Пока жива моя степь.....	54
Жолдыозек.....	55
Старики.....	56
Зимний лес.....	57
Наурыз-весна.....	57
Голоса весны.....	58
Полдень.....	58
Родная земля.....	59
Из рассказов матери.....	60
Голод.....	62
Выпь на озере Балыкты.....	63
Тоска по детству.....	65
Родной аул.....	66
Шал акыну.....	66
Магжану.....	67
Песнь о Магжане.....	68
1941 год.....	70

Тебе было семнадцать.....	71
Могила солдата.....	72
А-п-а-а-а!!!.....	73
Брат, вернись!.....	75
Что выжил я,- было везеньем.....	76
Военное детство.....	78
Баллада о неумирающей надежде.....	79
Подранки войны.....	84
Фас.....	85
Материнское горе.....	87
Встреча.....	88
Материнские слезы.....	90
Таба нан.....	90
Буран.....	91
Выборгские холмы.....	92
Опора.....	94
Две ласточки.....	96
Ручная мельница.....	97
Вол, который приснился мне.....	98
Я был одним из тех сирот.....	101
К приезду твоему.....	101
Мечтаю.....	102
Ажар.....	102
Богиня.....	103
Нет сильнее любви.....	104
Моя мечта.....	105
Лето.....	105
Письмо друга.....	106
Звезды.....	107
Есть еще в сердце огонь.....	108
Старость.....	109
Подснежники.....	109

Песня-талиман.....	110
О женщине.....	110
Пушкинский сад.....	111
Первая книга.....	113
Признание.....	115
Кажи Рысбай.....	116
Возмездие	118
Раненый батыр.....	125
Казах и казак.....	134
Сказ о беркуте.....	159
Белый дом Абылая.....	162
Рождение певца.....	171

Корректор Е. Мурзалиева
Дизайнер С. Ахмадиева

Подписано в печать в 2012 г.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Тираж 50 экз. Заказ № 1335.
Отпечатано в типографии АО “Полиграфия”.
СКО, г. Петропавловск, ул. Конституции Казахстана, 11.

Муталлап Мухамадиевич Кангожин

Родился 17 декабря 1937 г. в ауле Караагаш Есильского района Северо-Казахстанской области.

Когда ему было пять лет, после тяжелой болезни умер отец, а на фронте погиб его родной брат Мубарак. Детство Муталлапа Кангожина было нелегкое. Окончив Енбекскую среднюю школу-интернат, он работает в родном ауле прицепщиком, счетоводом. Работал в Ленинском райкоме, обкоме комсомола.

В 1966 году окончил КазГУ, отделение журналистики. Более тридцати лет трудился в Северо-Казахстанской телерадиокомпании, главным редактором, директором телестудии, зампредом облтелерадиокомпании и председателем Северо-Казахстанской облтелерадиокомпании.

Муталлап Кангожин – поэт, член Союза писателей и Союза журналистов Казахстана, заслуженный работник культуры Республики Казахстан, отличник телевидения и радио СССР, лауреат премии Союза журналистов Казахстана, почетный гражданин Северо-Казахстанской области и Есильского района.

В издательстве «Жазушы» вышли его сборники стихов на казахском языке «Ақ қайындар аралы», «Қызылжар», «Жөкорай шалғын», «Айдын шалқар», из полиграфии г. Петропавловска вышли сборники «Өмірім менің», «Көргендерім – көңілге түйгендерім» (2009 г.), «Мен Мағжанның көшесінде тұрамын» стихи и поэмы (2007 г.) «Менің Мағжаным» (2011 г.), «Сарыарқаны сағындым» о жизни и творчество Мағжана Жумабаева (1993 г.), «Есімі – ел есінде», «Тұғыры биік тұлға», сборник стихов и поэм на русском языке «Мои горизонты», а «Белый дом Абылая» – вторая книга на русском языке. Она посвящена 20-летию Республики Казахстан.